

КОЛЛЕКЦИЯ

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ВАМПИРЫ

КОЛЬЦО БЕЗУМИЯ
ДУША ДРАКОНА
КРЕСТ И КРЫЛО

18+

Коллекция. Другие миры

Галина Гончарова

**Вампиры: Кольцо безумия.
Душа дракона. Крест и крыло**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гончарова Г. Д.

Вампиры: Кольцо безумия. Душа дракона. Крест и крыло /
Г. Д. Гончарова — «Издательство АСТ», 2026 — (Коллекция.
Другие миры)

ISBN 978-5-17-187995-2

Визит начальства — дело сложное. а визит вампиров, которым глубоко за тысячу лет? Да с проверкой, да с желанием найти всякие пакости? Кому такое понравится? Вот Юле совершенно не до этого, ей учиться надо, а не дают. Оборотням помощи, магии учись, обязанности свои не забывай... еще и маньяк?! Да еще и на вампира, с которым связана Юля, покушаются, и только чудом удастся его спасти. Хоть и очень хочется добить. Или уже не хочется? Визит родственников не к добру. Интерес спецслужб — тоже. А уж если говорить про интерес одного древнего и мудрого существа... Любопытство? Или последний шанс, которым и оказалась Юля с ее способностями? Тот случай, когда просят добром, пока не взяли силой. Впрочем, унывать девушка не намерена. Главное — не сдаваться, а помощь обязательно придет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-187995-2

© Гончарова Г. Д., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Кольцо безумия	6
Глава 1. Тяжела и неказиста жизнь простого гимназиста	6
Глава 2. Не доверяйте медведю, что ходит на двух ногах. И вообще – не доверяйте двуногим	29
Глава 3. Как начинаются стройки	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Гончарова
Вампиры: Кольцо безумия.
Душа дракона. Крест и крыло

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Галина Гончарова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Кольцо безумия

Глава 1. Тяжела и неказиста жизнь простого гимназиста

30 августа

– ...к нам едет сама Дося Блισταющая!!!

Я с трудом оторвалась от компьютера. Как раз выложили новую книгу одного из моих любимых детективщиков – и теперь я пыталась ее прочитать. Почему пыталась?

Ну-у, когда тебе полчаса расписывают, как это классно, когда К НАМ ЕДЕТ САМА ДОСЯ БЛИСТАЮЩАЯ, сосредоточиться хоть на чем-то, требующем капли внимания, – сложно.

– Как ты меня достала со своей морской свинкой!!!

Мы с Надей сидели у меня дома. Подруга лениво прыгала по каналам, пытаюсь ухватить в телевизоре хоть что-нибудь интересное. Я, в свою очередь, шарилась в интернете с теми же целями. Надя искала, что посмотреть. Я – что почитать. Накачала около пяти гигабайт информации – и выбирала самое-самое. Выбрала. А вот почитать мне не давали. Надя – замечательный человек. То есть оборотень-вольп. Но есть у нее один минус. Приехав из деревни, где слово «интернет» воспринималось грязной матерщиной, а телевизор в лучшем случае принимал два канала – и те в полосочку, подруга оказалась совершенно беззащитна перед потоком масс-медиа. Ис огромным увлечением смотрела все ток-шоу, «интеллектуальные» программы, сериалы, читала газеты, глянцево-журналы, романы... короче – всё. И слушала тоже. С моей точки зрения, Надя просто должна была пережить этот период «хаваю всё» и приобрести какое-то понятие о хорошей литературе и музыке. Но пока она еще «не» – приходилось терпеть.

– Юлька! Слушай, Пушистик, если ты ни хвоста не знаешь о современной поп-культуре, это не повод ее осуждать!!!

– Надька!!! – окончательно разозлилась я. – Твоя поп-культура происходит от слова «попа»! А поминать все «культуру» рядом с этими поп-певичками – не уважать себя! Они и слова-то такого не знают! И в словаре не найдут! Потому что не знают о существовании словаря! Культура – это Пугачева! Это – Эдита Пьеха! Если хочешь – Пахмутова! Мэрилин Монро, Вайкуле, Ротару! А не эти мальчишки-зайчики и девочки-стервочки! Этим число – легион. И никакого интереса они не представляют, потому что даже по нотам спеть не могут. Единственное их достоинство – фигура. Но у тебя – не хуже!

Надя польщенно оглядела себя, улыбнулась, но тут же нахмурилась снова.

– Юлька, ты мне репу не морочь! Мало ли что они тебе не нравятся! Она – певица! Знаменитость! И этим все сказано!

– Это – очередная поющая попа, – огрызнулась я. – А говорить про нее – неинтересно.

– Да?! А ты читала «Премьеру»?!

– Надя! Я НЕ ЧИТАЮ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ!!! Мне некогда! Меня с этими идиотскими вампирами из института скоро выпрут!

– Ну, не преувеличивай! Не все так трагично, – отмахнулась Надя.

– Ага, тебе легко говорить!

А легко ли мне жить? Я – Юлия Евгеньевна Леоверенская. Личный фамильяр Князя Города. Сколько это занимает времени – не передать! Как я в это вляпалась? Ну-у, долго рассказывать. Так получилось. Вляпалась по неосторожности. После того, как это «получилось», я полгода пряталась от Мечислава (тот самый Князь) по углам и переулкам. Но разве можно долго прятаться от вампира? Нравится, не нравится (жутко не нравилось!!!) – пришлось выходить из подполья. Делать нечего. И Мечислав тут же припахал меня по самое дальше некуда.

Фамильяр обязан присутствовать на переговорах с вампирами из других городов!

Фамильяр обязан присутствовать на переговорах с членами Совета!

Фамильяр обязан присутствовать на переговорах с местными стаями оборотней!

Одним словом – фамильяр – обязан!!! По гроб жизни. И своей жизни у него нет. Ни личной. Ни общественной. Вообще никакой. Есть только жизнь благодетельствовавшего его (ее) вампира! И только этот клыкозавр имеет хоть какое-то значение.

По понятным причинам меня это не устраивало.

Благодарность?

Моя бы воля – я бы скорее чумой переболела, чем связываться с Мечиславом. Почему? Потому что чума – конечна, а вампир теоретически может жить вечно. Ну, или пока на планете не наступит ядерная зима. Хотя я не исключаю, что вампиры выживут и в этом случае. Они, гады, живучие. Приспособятся пить кровь из тараканов-мутантов – и вперед! И у меня есть хорошая перспектива на это полюбоваться. Фамильяр, увы – придаток вампира. Как рука, нога или там ухо. Может жить вечно. Теоретически. Практически жив Мечислав – жива и я. Если он умирает – я со девяностапятипроцентной вероятностью склеиваю лапы следом за ним. Печально?

Факт.

Есть и плюсы. Я тоже стала намного более живучей. По уверениям Мечислава, я останусь живой и невредимой, даже если меня переедет танком. Смогу восстановиться, даже если повредят мозг или сердце. Рано или поздно, так или иначе, пролежав в коме лет этак двадцать-тридцать...

По уверениям Мечислава, я навсегда останусь такой, какой была при наложении Первой Печати Тела. Молодой, здоровой и более-менее симпатичной. Печать «запомнила» меня именно такой и именно такой восстановит в случае чего. С ма-аленькой оговоркой. Если хватит сил у меня. Если хватит сил у вампира. Если Мечиславу не будет выгоднее отбросить меня, как ящерица пораженный хвост. А это вполне возможно. Вампиры – они существа такие, расчетливые. Так что расслабляться не стоит.

Зато теперь я точно знаю, что делать, если решу самоубиться.

Надо просто пришить Мечислава. Получу двойное удовольствие. Во-первых, достигну своей цели. То есть – отправлюсь в рай или ад. Во-вторых, избавлю мир хотя бы от одной сволочи. И расквитаясь с оной сволочью за все его издевательства.

О, легок на помине.

Сотовый телефон взорвался знакомой (навязшей в зубы до скрежета) мелодией. А трубка – таким же навязшим в ушах голосом. Теплым. Бархатистым. Безумно сексуальным. Надоевшим до чертиков! С другой стороны, Мечислав, получая периодические скандалы за попытки оболыщения, старается иногда пригасить эффект от звука – содержанием. Вот как сейчас.

– Добрый вечер, Пушистик. Я безумно рад слышать твой голос. Надеюсь у тебя все в порядке? Буду несказанно счастлив видеть тебя сегодня к половине одиннадцатого в клубе. Я пришлю за тобой Владимира.

И гудки в трубке.

Каково?

Ни «ответа», ни «пока», ни «прощай, я жду звонка». Вообще ничего. Хоть из вежливости спросил бы, как я себя чувствую. Нет-с. Одно распоряжение – и равняйся, смирно! Гад!

И кстати, когда это он услышал мой голос?! Если я даже «алло» сказать не успела?!

А послезавтра – первое сентября!

Сегодня же поговорю с вампиром. Я шваркнула трубку подальше от себя. Надя смотрела с этакой понимающей улыбкой.

– Чего?! – окрысилась я.

Подруга покачала головой.

– Ничего. Юля, а Мечислав пригласит Досю петь в его клубе? Попроси для меня автограф, а?

Тьфу!

* * *

Автоматически мне вспомнился разговор, случившийся вчера. С вампиром я еще его не обсуждала. А надо бы. Выглядело это так.

У меня зазвонил телефон. Кто говорит?

– Да?

– Юля? Добрый день.

Лучше бы слон. ИПФ мне с некоторых пор доверия не внушало. Но и посылать Рокина по бабушке и матушке не хотелось.

– Был – добрый, – мрачно ответила я. – А потом вы позвонили. Чего надо?

– Юу-ля...

Он протянул мое имя с такой укоризненной интонацией, что у меня тут же пропало все желание мириться и вообще – вести себя хорошо.

– Да я уж двадцать лет как. И что? Какую пакость вы мне хотите сделать в этот раз?

– Никакой. Просто хотел пригласить вас к нам на лекцию.

Я вспомнила, как меня пригласили летом – и содрогнулась. Очень хорошо вспоминалось, как мне пытались промыть мозги. Начисто. А вот повторять подобный опыт почему-то не хотелось. Инстинкт самосохранения? Ну, лучше поздно, чем никогда.

– Спасибо, я помню, чем для меня предыдущая закончилась. Всего хорошего.

– Юля, а если это будет для вас безопасно?

– Что, всех присутствующих свяжут по рукам и ногам? А иначе я вам не доверяю. Сыта вашим преподобным козлом по самое это самое. И не верю, что у вас там таких мало. Это я – одна. А мерзавцев – всегда много.

– Как вам не стыдно!

– Стыдно – когда не видно. А у вас все наружу вылезло, чего уж теперь. Ладно, – решила я. – Если вы докажете мне, что лекция будет для меня безопасна, – я схожу. А если увижу хоть одного порядочного человека в вашей организации, то даже поверю, что там такие водятся. Ясно? А в противном случае – извините. До свидания.

– Юля... – попытался что-то вякнуть Рокин, но я опять оборвала его:

– Я свою точку зрения высказала. Вы поняли. До свидания.

Я бросила трубку и закатила глаза. Черти их всех активизировали перед первым сентября!

* * *

Владимир заявился ко мне домой ровно в десять. Элегантный, как рояль на кладбище. Белая отглаженная рубашка, черные брюки, безупречные стрелки, идеально уложенные каштановые волосы... Так и тянуло его хоть чуть-чуть помять в руках, чтобы на человека был похож.

Владимир? Один из вампиров Мечислава. Не самый молодой, не самый старый. Примерно лет пятьсот. В иерархии силы – третий. После Вадима и Бориса. По кредиту доверия – тоже. Но Бориса Мечислав отослал в Тулу и теперь эксплуатирует Вовочку.

То есть Володю. Вовочкой его лучше не называть. Ни в глаза, ни за глаза. Он слегка болезненно реагирует на насмешки. А точнее у него вообще нет чувства юмора. Вообще – это значит, что он абсолютно не понимает даже самых простых шуток. И может за них перегрызть

горло. Что ж, бывают недостатки и похуже. Зато он вежливый, обязательный, очень педантичный и пунктуальный. И очень галантен с женщинами. Короче, у него уйма достоинств. Только сразу их не разглядишь под толстым-толстым слоем занудства. Оно даже в его ауре отражено. В элегантных коричневых тонах. Так и тянет сказать: «Пришел в коричневом, сел в углу и испортил людям вечер». Хотя Володя и не виноват.

– Добрый вечер, Кудряшка. Шеф сказал доставить вас к нему.

– Ну, раз шеф сказал, – проворчала я.

– Вы чем-то расстроены?

Нет, что вы! Это из меня так счастье прет!

– Воля! У меня учебный год на носу. А твой шеф ведет себя так, словно этого не замечает!

Владимир (меня можно называть Вова, Воля или Владимир – на ваш выбор, но уж никак не Вованом и не Вовочкой...) потер лоб.

– Юля, а вы вот никогда не думали, что шеф *действительно* не в курсе?

– Не в курсе чего? О моей жизни он осведомлен настолько, что даже знает, сколько у меня трусов и какого цвета.

Володя покраснел. Ясно. Угадала.

– И какая сволочь, хотелось бы мне знать, шарилась по моим шкафам?

Вампир понял, что сейчас его будут допрашивать с применением методов инквизиции, и ретировался за дверь.

– Кудряшка, я жду вас в машине!

Что-что, а инстинкт самосохранения у этих зубастых работает отлично.

Я на секунду задумалась. А может, вампир и правда не представляет, что может быть что-то кроме него? Что я учусь, что мне нравится биология, что я хочу стать специалистом – и хорошим?

Вполне может быть. Это как учителя в школе. Они настолько заикливаются на своем предмете, что просто забывают обо всем остальном. Что школьники – живые люди. Что кроме их предмета есть и еще чертова дюжина других. Что в обыденной жизни никому не нужна теория поля или, например, страдания Анны Карениной. То есть они могут и пригодиться, но только если человек на всю жизнь свяжет себя вот именно с этой профессией. А если нет? Вот какая мне в принципе разница – утопилась Анна или под поезд бросилась? Кроме широкого кругозора?

Так и вампир. Он может просто не представлять, что кроме него и прочих клыкасто-зубастых есть что-то интересное и нужное.

Что ж. Надо будет ему это просто объяснить. Иногда Мечислав может быть вполне разумным существом. Полагаю, трех-четыре скандалов хватит с лихвой.

* * *

Мечислав ждал меня в своем кабинете. Он явно работал с каким-то отчетом, но, увидев на пороге меня, отложил бумаги и встал, широко улыбаясь. Радужный хозяин, рыбу, зебру, мать...

Выглядел он просто шикарно. Хотя у Мечислава не бывает другого вида. Либо он выглядит шикарно, либо потрясающе, либо восхитительно. Если это не так – приближается конец света. Или хотя бы вампира активно и серьезно пытаются прикончить.

На моей памяти он не выглядел, как топ-модель, только тогда, когда за нами гонялись вольпы Андрэ – и в плену. Во всех остальных случаях – хоть на обложку снимай.

– Кудряшка! Наконец-то! Я рад тебя видеть!

Я мрачно глядела на вампира. Сегодня Мечислав был затянут в темно-синие джинсы из какой-то тонкой ткани – фасон, покрой – все безупречно. Это явно джинсы. Но ткань облегает

все его тело, как перчатка, не оставляя воображению никакого места. Чего воображать? И так все обтянуто! Чтобы не сказать – облеплено! Синяя рубашка была сделана из какой-то тонкой сетки с вкраплением блестящих нитей. И выглядело это так, словно торс вампира завернули в синее облачко. Глаза Мечислава, оттененные синим, сияли как два аквамарина на золотистой коже.

Черные волосы были стянуты в хвост и переброшены вперед, на плечо. В сложной заколке из желтого металла блестел здоровущий синий камень.

На что спорим – это натуральный сапфир и золото? Подделок и пластмассы вампир бешено не любил. Эта заколка наверняка старше меня раз в десять.

– *Очень рад?* Ну полюбуйся, пока есть возможность.

– *Что случилось?* – насторожился Мечислав. Под мое плохое настроение он уже попадал, и не раз. Его кабинет я вообще разносила раз пять. А сколько раз пыталась покалечить этого вампира... даже прицельно стульями швырялась.

Уворачивался, гад. Еще и посмеивался – это вместо тренажерного зала.

Сейчас, видимо, ему не хотелось заниматься спортом.

– Скажи, ты на календарь смотришь – иногда?

Вампир потянулся всем телом, как здоровущий хищный кот. Я с восхищением пронаблюдала, как ходят мышцы под тонкой прозрачной тканью. Красив... Безумно, бездумно красив. И так же бездумно действует на всех женщин. В том числе и на меня. И каждый раз тяжело колотится сердце, а в животе все сжимается в комок. И тягучими, сладкими каплями сочится время.

Мечислав ласково коснулся моей щеки. Когда он успел оказаться рядом?

Я тряхнула головой, преодолевая желание потереться щекой об эту золотистую ладонь с тонкими изящными пальцами. Нельзя! Опасно потерей свободы мышления!!!

А так хочется. И потереться, и прижаться, и завернуться в его запах, как в пушистое одеяло. И провести пальцами по его волосам, ощутив их мягкость и шелковистость. Снять заколку, распустить черные пряди – и потереться об них всем лицом.

Нельзя. И вообще – Юля, возьми себя в руки!

Я сделала шаг назад. Вампир смотрел... понимающе. Кажется, он тоже знал, чего мне хочется. И что тут удивительного? Рядом с ним этого хочется любой женщине – от десяти до девяноста пяти! Рефлексы. Феромоны. Физиология!

– Календарь... я слышал такое слово, – мурлыкнул вампир.

Я зашипела, вспомнив, зачем я здесь. Куда и влечение девалось!

– Хорошо. А это было до Петра-сифилитика или позже?

– Во времена Петра Первого меня в России не было, – внезапно мрачней, отрезал вампир. Наступила на мозоль? Интересно, какую. Я бы на ней еще потопталась. – Что ты хочешь сказать?

– Что скоро первое сентября.

– И?..

– У меня – институт.

Вампир хлопнул длинными ресницами. Получилось очень трогательно и мило. Пришлось напомнить себе: кобра хоть и красивая, но кусается больно.

– И?..

– Что – и?! Вот расписание! – я шваркнула на стол блокнот. На пол свалились еще несколько бумаг. – Три-четыре пары в день! Считаю на пальцах! Ты меня постоянно выдерживаешь на всю ночь! Утро у меня будет занято капитально. Пять-шесть дней в неделю. Когда мне прикажешь спать? Отдыхать? Встречаться с друзьями?!

– Какими еще друзьями? – подобрался вампир.

– Твое какое хлюндячье дело?! Я что – став твоим фамильяром, обязана общаться только с вампирами и оборотнями?! Нет уж, увольте! Я учусь с людьми и не собираюсь становиться раком-отшельником из-за твоих заскоков!

Мечислав чуть расслабился.

– Так в этом все дело?

– В этом. С момента попытки узурпировать власть тандемом «Иван – Рамирес» ты мне просто покоя не даешь! Я здесь бываю чаще, чем у матери с дедом! Надоело!

Мечислав вздохнул и уселся на край стола. Расстегнул заколку, растрепал волосы и очаровательно улыбнулся.

– Прости, Кудряшка. Я действительно не подумал.

– Я заметила. И что ты теперь собираешься делать?

– Извиняться. Какую форму извинений ты предпочтешь?

– Исключительно материальную, – корыстно потерла я лапки. – Хочу себе личный пистолет и обойму с серебряными пулями! А лучше – две! Хочу! И все тут!

Мечислав возвел очи горе.

– Ну почему ты такая кровожадная?

– С кем поведешься, – огрызнулась я. – То-то вы все здесь пушистые и безобидные!

– Разумеется, – подтвердил вампир не моргнув и глазом.

– Ага, – поддакнула я. – Особенно оборотни в полнолуние. Пушистость – повышенная.

Клыкастость – тоже.

– Ну, ты же все равно их любишь, – пожал плечами Мечислав. – Когда Насте рожать?

– Через месяц-полтора. Это если все пойдет, как надо. Как раз пройдет очередное полнолуние. Близнецы вообще рождаются чуть раньше. Подумаешь, полежат недельку в роддоме. А Настю вообще стая забирает в лес сразу после родов.

Мечислав кивнул. Проблема беременной оборотнихи нас весьма беспокоила. Летом, в июле обнаружилось – неожиданно для меня самой, – что я могу видеть ауры. Мало того, я могу ими манипулировать. И оборотниха-вольп по имени Настя стала моим первым подопытным животным. Я не хотела, честное слово. Так получилось. Замечательное оправдание, ага?

Обычно так оправдываются, наделав дел. В моем же случае все получилось лучше всяких ожиданий.

Оборотнихи не могут рожать детей. То есть они беременеют, но потом у них обязательно происходит выкидыш. Примерно на пятом месяце. Как раз когда тело ребенка уже слишком большое, чтобы перенести изменения матери, и слишком маленькое, чтобы измениться самостоятельно.

Настя же... она безумно хотела детей. И как раз была на пятом месяце беременности.

У меня все получилось просто чудом. Я закрыла ей способность к превращениям примерно на месяц. И выкидыша не произошло. Оборотниха сидела дома, смотрела детские фильмы, пила пустырник в товарных дозах и слушала медитативную расслабляющую музыку. В следующее полнолуние мы с ней опять повторили запрет на превращения. Оставалось еще одно полнолуние – по моим скромным подсчетам.

Потом она будет рожать. Сама или кесарево – неважно. Для оборотней сойдет любой вариант. Если что – Настя отлично восстановится. Любые раны заживают на оборотнях в срок где-то от одного часа до недели. Кроме повреждений мозга. Сердце, говорят, сильные оборотни могут вылечить.

– Какой прогноз?

– Замечательный. Настя прекрасно себя чувствует, не считая сильной раздражительности. Рауль не звонил?

– Звонил. И об этом нам тоже надо поговорить.

– Да?

– Кудряшка, я тебя вызвал не просто так.

– Что у нас опять случилось – кроме очередных заскоков нашего губернатора?

– Альфонсо да Силва обещает приехать на этой неделе.

– Твою крокозябру! Этот козел раньше не мог приехать?! И вообще, напиши ему – и скажи, чтобы приезжал в октябре!

Мое возмущение было вполне оправданно. Альфонсо ломался весь остаток лета, как... как сдобный пряник! Тянул, спорил, возмущался... То ему не подходят условия, то у него дела, то одно, то другое... а теперь, когда на носу учебный год – он соглашается?! Да чтоб его ИПФовцы поймали и в святой воде испукали!

Козел!

– Только ему этого не скажи.

– Я что – вслух говорю?

– Да. И меня радует только одно. Что в моменты серьезных потрясений ты можешь собраться.

– Меня это тоже радует, – кисло протянула я.

А вас бы радовало? Значит, на днях у нас очередной губернаторский заскок. Послезавтра – первое сентября. То есть надо ходить на лекции, посещать практики, чего-то учить, я, между прочим, на третьем курсе, через год надо диплом начинать писать, если я хочу вообще в аспирантуру...

А тут – счастье! Мечислав покоя не даст. Альфонсо – это крутая проблема. Чтобы не сказать короче и жестче. Песец подкрался и стал кусаться.

– Какой у нас получается распорядок на ближайшие пять дней – и что ты хочешь свалить на меня?

Мечислав взял со стола лист бумаги – и протянул мне. Я пробежала глазами строчки и нахмурилась.

– Так. С женщинами из стаи медведей я завтра встречусь. У нас их много?

– Вот папка. Проглядишь на досуге.

Я кивнула. Ладно. Мои дела, мои и тапки. Лучше я честно объясню медведицам, что и как. То есть: как обстоят дела и что им светит в плане размножения. Это – на завтра. Днем.

– Валентин или Леонид могут меня сопровождать?

– Могут. Решить сама – кто.

Я задумалась. Валентин мне ближе. А Леонид – вреднее. На переговорах с дружественной стаей лучше иметь рядом с собой конкретную сволочь типа Леонида. Этот свою выгоду не упустит. Никогда. И мою заодно.

– Леонида. Распорядишься?

– Хороший выбор.

– Знаю. Послезавтра – первое сентября. Так что ничего не планируй на этот день. Ясно?

– Предельно. Но ночью я тебя жду.

– За... черт!

– Я рад, что ты помнишь.

Я уныло кивнула. По соглашению, я делилась с Мечиславом кровью и силой – два раза в неделю. Так было легче и мне и ему. Мне – сбрасывались излишки силы. Мечиславу же потом не надо было кормиться на людях дня два. Экономия.

Кстати, крови я при этом много не теряла. Грамм двадцать каждый раз, не больше. Моя сила уже привыкла к Мечиславу и рассматривала его как продолжение меня. Поэтому долго пить из меня кровь не требовалось. Секунд через тридцать после того, как Мечислав всаживал клыки мне в вену, происходил взрыв силы – и он отваливался от меня, довольный, как пиявка.

– А перенести нельзя?

– Нет. Второго сентября у нас здесь будет маленький праздник в честь начала учебного года.

– Ага. И в связи с этим – вычеркни эти две строчки. Со звездами отправишь договариваться кого-нибудь еще.

– Вампиры днем спят, а ты – мой полномочный представитель.

– Плевать. Общаться лишней раз с этими идиотами...

– Ты же с ними ни разу не общалась. Как ты можешь судить о людях, не зная их?

– А я что – ошибаюсь?

Мечислав с улыбкой покачал головой.

– Нет. Но могла бы.

– Так, оставим это. Отправь к ним Валентина. И к Досе, и к Лаврику. Или кого-нибудь еще.

– Например, Славку?

Я зашипела.

Станислав Евгеньевич Леоверенский, мой старший брат, появился в нашем городе чуть больше полутора месяца назад. И – с кучей проблем. Если вкратце – он умудрился влюбиться в одну из самых слабых представительниц клана оборотней, нахватал себе на хвост проблем – и примчался в надежде повесить их (проблемы) на нашу (деда, мамы, мою) шею. Почему-то нам это не понравилось. Деду – по жизни неохота разгребать чужие навозные завалы. Мама – так ничего и не узнала. Я же... Вампиры быстро вытряхивают из человека все доброе, чистое и светлое. Остается только разумное и вечное. Братец был сдан на руки местной стае вольпов и быстро стал лисом-оборотнем. Проблемы, которые он свалил мне на руки, удалось разгрести, а его «вечная любовь» оказалась банальной шпионкой. Ее поймали при попытке убить меня – и прикончили, получив показания.

Славка жутко переживал ее смерть. Да и сейчас переживает, когда есть время. А времени у него нет. Мечислав забрал его к себе в клуб и гоняет, как мальчика на побегушках – во все стороны света. Только поворачиваться успевай. Взамен Славка получает квартиру, зарплату и даже трудовую книжку! Даже – отчисления в пенсионный фонд, каково? Да, вампиры платят налоги. Как ни смешно! Мухлюют, конечно, но в рамках необходимого. А когда я поинтересовалась у вампира, почему так, он ответил просто. Им легче было пожертвовать частью прибыли, чем привлечь к себе лишнее внимание полиции. А там – и ИПФ себя долго ждать не заставит.

– Да отправляй! Только меня не трогай! Не до вас!

– Ладно. Но на открытии ты быть обязана.

– Второго? Да еще и в два часа? А морда у вас, сударь, не треснет? У меня генетика в это время!

– Неправда. – Мечислав повертел в руках мое расписание. – Генетика у тебя заканчивается как раз в час сорок пять.

– Вот!

– И потом день у тебя свободен. Три пары – и все!

– Не все! Я что – должна за пятнадцать минут приодеться, накрасить морду и припереться за полгорода киселя хлебать? Как ты себе это представляешь?

– Спокойно. Пойдешь в институт прилично одетой. А после института тебя подхватит Валентин, и вы приедете вместе. Он там тоже собирается быть.

– Ты издеваешься?!

Я представила, как я скромненько заявляюсь в институт в платье стоимостью больше чем домик директора, с украшениями, за которые мне и самого директора на органы продадут – и застонала.

– Что тебя так пугает?

Я закатила глаза.

– Что?! А ты сам не понимаешь?

– Отказ от привычной униформы? Джинсы, майки, лохматая голова? Ну, переживешь как-нибудь.

Я представила себе лицо нашей институтской модницы Кати Козодаевой, когда я приду в шмотках от кутюр, и ее снисходительный голос: «Леоверенская, ты что – решила стать похожей на человека?», представила лица секретарш, МНСов и прочей блатной кафедральной шушеры – и еще раз, с трудом, но попыталась объяснить вампиру, что так нельзя. Уж лучше я переоденусь в машине у Валентина. Потерпит. А что до прически – ха! Главное, чтобы волосы – были. Я же не с бритым черепом приду?! Ну и хватит.

Вампир согласился.

– Ладно. Ночью ко мне можешь не приезжать. Валентин отчитается.

– Замечательно, – согласилась я. – А ты отпустишь ко мне Вадима?

– Отпущу. Все еще рисуешь?

– Ага.

Мы с Вадимом задумали полотно где-то на двадцать лиц. Вампир очень хотел получить свое изображение на фоне горящей Москвы. Горят старые дома, бегут люди – и над крышами города гордо реет буревестник под названием Вадим...

Я не возражала. Почему бы и не сделать приятное другу? Состарит, повесит в комнате и будет показывать всем желающим. Но вот беда – для такого дела мне нужны были изображения всех участников, их описание, да вообще куча всего, вплоть до костюмов той эпохи... дела было – за месяц не разгребешь. Мечислав, услышав о нашей затее, покрутил пальцем у виска, но потом согласился. «Чем бы дитё ни тешилось, лишь бы со мной не цапалось».

Я взглянула на оставшуюся строчку.

– Это – что?!

– Это в моем клубе третьего числа. Ночью. И изволь быть.

– А отказаться можно?

– Можно. Но лучше не надо.

– Тогда не буду, – проворчала я. – Но ненадолго.

– Договорились. Два часа, не больше. Как ты спишь по ночам?

– Плохо. Но сейчас удастся обходиться без кошмаров по три-четыре дня.

– Уже лучше.

Я кивнула. Раньше кошмары у меня были примерно пять дней из семи. Теперь я могла хотя бы иногда высыпаться.

– Ладно. Мечислав. Я согласна участвовать в твоей активной общественной жизни, но мне надо еще досдать два экзамена. И досдать их до двадцатого сентября.

– Сколько стоят твои экзамены?

– Что?!

Я взвилась с места.

– Ты что – озверел?!

– А что тут такого?

Я закатила глаза. Действительно – что?! Но Я НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ ЗА ДЕНЬГИ!!! Я хочу получать знания, а не расписки в обмен на уплаченные в деканате легальные взятки! Иначе я просто попросила бы деда!

Вообще-то я прекрасно училась самостоятельно. До этой зимы. Но в результате всей вампирской истории я провалялась в больнице чуть не два месяца. Что-то мне удалось догнать. А что-то нет. Сложно было успевать по всему курсу, когда даже высыпаться не можешь. И тихо подозреваешь, что у тебя едет крыша. И безнадежно отстала по двум предметам. Политологии и ОБЖ. Почему так?

Считаем на пальцах. В больнице я провалялась чуть ли не три месяца. Тогда, зимой, с воспалением легких. И передо мной встал печальный выбор. Взять академический на год – или вывернуться из шкуры и досдать все сейчас. Я подумала. Посоветовалась с дедом. И решила рвать жилы, но не оставаться на второй год. Мудрость полученного совета я оценила сполна. Досдавать – тяжело. Иногда я приходила домой настолько измотанная, что мне даже кошмары присниться не могли. Просто не пробивались к измученному и полностью отключившемуся мозгу. Подозреваю, что если бы дед настоял на академке – я могла бы и с ума сойти. Безделье – основной источник неврозов и депрессий. А у меня на них просто не оставалось времени.

Надо было писать, учить, наверстывать...

И если теорию, то есть лекции, можно было списать и выучить, то практические занятия – фигушки. Надо было ходить и их отрабатывать. Рабочий день у преподавателей, если кто не знает – ненормированный. И если препод может слинять раньше – он так и сделает. Ловить их – дело трудное. А если поймаешь, они обычно начинают выкобениваться. Извиняюсь за ненормативную лексику, но так ведь и есть! Ладно бы я была злостной прогульщицей! Нет! Я действительно чуть не померла! И после этого какая-то насквозь блатная чушка, читающая только «Космополитен» и только по слогам, смотрит на тебя сверху вниз и цедит: «Ну, милочка, не знаю, чем я могу вам помочь... не надо вам было пропускать занятия...»

Сначала я пыталась быть вежливой с такими. Потом поняла, что надо бить в лоб. Чтобы хоть со звоном или с резонансом (голова-то у таких чугунная) дошло до оставшихся мозгов. И нагло рубила в ответ: «А было бы лучше, если бы меня отсюда на кладбище увезли?! Вам историю болезни предъявить – или вы сами в отделение позвоните? Там меня отлично помнят – после нескольких реанимаций!»

В итоге все сдавались. Рано или поздно, так или иначе...

К тому же в деканате все поняли – и пошли мне навстречу. Разрешили досдать теоретические хвосты до двадцатого сентября. И именно это я собиралась сделать. И если политологию мне наверняка удастся сдать более-менее спокойно, то насчет ОБЖ были у меня некоторые сомнения...

Принимал ОБЖ у нас Токаревич Юрий Михайлович. Редкостная, простите, тварь. По моему, он искренне считал, что малейшее незнание его предмета должно быть приравнено к государственной измене и караться расстрелом с последующим четвертованием.

При этом сам-то он был насквозь блатным и ОБЖ просто не знал. Читал из книжечки и с книжечкой же сверял ответы студентов.

Ну не козел?

– Кудряшка!

Я тряхнула головой.

– Короче. Экзамены я собираюсь сдавать самостоятельно. И учиться – тоже. Полезешь – считай, что я на тебя смертельно обиделась. Тебе это нужно в преддверии высочайшего визита?

Вампир покачал головой.

– Заинька моя, ну какое тебе дело до всех этих человеческих глупостей? Диплом, аттестат, что там у вас сейчас? Какая разница? Ты пойми – никого из твоих преподавателей не станет – и косточки их истлеют, а ты все равно – будешь. Только диплом предъявить не сможешь, потому что там будет указана настоящая дата твоего рождения.

– Зато знания при мне останутся.

– Да зачем они тебе нужны? Глупости все это! Я вот живу, не зная, сколько позвонков у жирафа – и...

– Хвастаюсь своей безграмотностью, – огрызнулась я. – Пойми, ты, жертва стоматолога, я – человек. И сколько мне положено, проживу человеком. Глядишь, еще и доктором наук стану. Диссертацию защищу по летучим мышкам и наглым крыскам. И уж точно не стану приносить всю свою жизнь в жертву твоей. И жить только твоими интересами я не собираюсь! Я – лич-

ность и индивидуальность и без твоего соизволения. И, честно говоря, буду счастлива, если ты куда-нибудь денешься из моей жизни!

– А вот на это не рассчитывай.

Вампир, только что стоявший в паре метров от меня, каким-то образом оказался совсем рядом. На плечи легли тяжелые теплые ладони, скользнули вниз, по рукам, сжались, несильно, но властно, притянули меня к крепкому мужскому телу. Я не стала сопротивляться. Вырываться? Еще чего! Только попробовала попасть каблуком по голени вампиру.

Увернулся.

– Ну что за детские выходки, Пушистик? – зашекотал ухо тихий шепот.

Я невольно задрожала. Ничего личного, просто Мечислав на всех так действует. Даже когда я знаю, что это исключительно вампирская магия, мне хочется не выдираться, а развернуться в его руках, обнять за шею – и целовать алые губы, насколько у нас обоих хватит дыхания. Пока не закружится голова, а мир не приобретет совершенно понятные очертания. В которых я и он...

Стоять!!!

– Пусти, сволочь, – прошипела я, – покалечу!!!

Ответом мне был тихий смех, пробежавший по моей коже, как метелочка из перьев. Руки прижали меня еще сильнее.

– Хотел бы я на это поглядеть. Как ты меня покалечишь. У тебя ведь рука не поднимется – из-за красоты. Ты художница – и будешь обостренно ее чувствовать. Всю оставшуюся жизнь. А покалечить меня – это все равно, что порвать полотно да Винчи. Ты никогда на такое не пойдешь.

– От скромности ты не умрешь...

Одна рука вампира совершенно провокационно переместилась мне на талию, вторая гладила шею. Чуть-чуть, едва касаясь кончиками пальцев, так, что я и сама не знала, чего мне хочется больше – вывернуться из-под наглой руки – или наоборот, прижаться еще сильнее...

Но нельзя. Просто – нельзя.

Если я поддамся Мечиславу, все будет намного хуже.

Не потому, что это соревнование – кто кого перетянет.

Не потому, что спать с кем-то без любви – это... суррогат. Вроде кофе из цикория. Пить можно, но противно. И разница ясна сразу.

А потому что для вампира это еще одна плетка. Мечислав действует на всех, как мощный наркотик. Из тех, которые рекомендуют для «страстной бурной ночи». И я – стоит мне один раз поддаться, как будет и еще один раз. И еще. Но для него это – математика. Голый расчет. Он-то будет ложиться со мной (или с любой другой женщиной – на его выбор) в постель с холодной головой. Это я буду сходить с ума и требовать дозу. Еще и еще. Чем дальше, тем чаще. А он будет использовать свою сексуальность и наши отношения для моего контроля.

Спокойно и жестко. Прыгнула через обруч, детка? На, возьми конфетку.

И никак иначе. За семьсот лет у него было много шансов научиться.

У меня шансов не будет.

– Пусти!!! Немедленно!!!

Я рванулась, что было сил – и оказалась на свободе. Мечислав взирал на меня с грустной укоризной. Все тело словно колело иголочками. А внизу живота – особенно. Мне хотелось... так, не думать! А дома сделать сто... двести отжиманий!!! Пятьсот!!!

– Пушистик, сколько ты будешь отказывать и мне и себе в том, что необходимо нам обоим?

– Как-нибудь переживу и без постели с вампиром-нимфоманом, – окрысилась я. – Неужели так трудно относиться ко мне как к человеку?! А не как к резиновой кукле из секс-шопа?!

– Кукла хотя бы не сопротивляется, – огрызнулся вампир.

Я поискала глазами подходящую вазу. Согласна даже на...

– Не надо разносить мой кабинет, – вампир поднял руки вверх, словно показывая, что сдастся на милость победителя. И даже это движение вышло провокационным. Вот он, я, повелительница. Что ты хочешь со мной сделать?!

Хотела бы я многое. Но боюсь, что вампир отнесется к моим идеям без понимания. А как бы ему пошли кляп и железная маска! А лучше – бинты, саркофаг и пирамида сверху! Для такого дела можно и Хеопса выселить!

Я вдохнула и выдохнула. Так, провентилировать легкие. Пусть кровь несет кислород к мозгу. Мозги мне нужны – незамутненные.

– Мечислав, хватит проверять меня на вшивость. Ты мне не нужен. Это я тебе нужна. И если хочешь, чтобы у нас был какой-нибудь контакт, изволь не тащить меня в постель каждый второй раз.

Вампир взирал на меня абсолютно невинными глазами.

– Но что я могу с собой поделаться? Я всего лишь мужчина! И ты для меня постоянное искушение. Ты настолько красива и очаровательна, у тебя такая восхитительная кожа, такие потрясающие глубокие глаза...

– А еще зубы и уши. Исключительно очаровательные в любую погоду, – съехидничала я.

– Да. И про твои ушки я многое могу сказать...

– Пока они не завяли? Хватит мне лапшу вешать... на уши!

Я невольно фыркнула. Вампир, поняв, что гроза прошла стороной, выглядел довольным, как кот, слопавший сметану и не получивший тапком по лбу.

– Ладно. Хватит этой чуши. Зачем ты меня сегодня вызвал? Кровью я делилась только позавчера. Что опять случилось?

Вампир мгновенно преобразился.

– Первое. Звонил твой друг Рауль. Он просил называть его Петром. Его признали на Совете ронином. И как свободный вампир, он просил у меня разрешения поселиться в нашем городе. Я согласился при условии, что он поможет тебе в работе над амулетом для оборотней. Ты им не акушерка. Вполне будет достаточно, если ты разработаешь амулеты и будешь заряжать их вместе с Петром. Скажем, раз в две недели. Или раз в месяц.

– Лучше, если у меня получится заряжать их самостоятельно. Или вместе с любым вампиром.

– Или просто у любого вампира?

Я пожалала плечами. Второй раз, закрывая Насте возможность превращения, я заметила кое-что, о чем не стала тогда говорить Мечиславу. Сейчас, пожалуй, можно было.

– Дело в том, что магия оборотней – это магия жизни, леса, вольного ветра, если хотите... А магия вампиров – это смерть. Искренне сомневаюсь, что смерть можно поставить плотиной на пути жизни. Сметет и не заметит.

– Вампиры сильнее оборотней, – нахмурился Мечислав.

– Безусловно. В своей сфере. Сравнить ужа и ежа – нелепо. И тем более нелепо сравнивать их способности.

– Тогда при изготовке амулета нужны только твои способности?

– Нет. У меня не хватит ни ума, ни сил. Тут обязательно нужна вампирская помощь.

– А как же скрещивание ужа и ежа? – припомнил мне вампир. Но если он надеялся меня смутить такой мелочью... Ха!

– Получается вполне приличная ехидна.

– И ее впечатляющий экземпляр я вижу перед собой, – не удержался вампир.

Я ухмыльнулась и склонила голову в поклоне.

– Завидуй молча.

Вампир ответил аналогичной ухмылкой. Да, когда он прекращает строить из себя рокового соблазителя, становится похож на человека. Жаль, что он всегда не может быть таким. Или нет. Не жаль. Был бы он более человеческим – и мне станет намного труднее противостоять ему. А надо. Не хочу быть собачкой в секс-ошейнике. Не хочу.

– Так зачем тебе нужен Петр?

– Я сама пока почти ничего не знаю. И не умею. А из всех вампирских сил – его самая живая. Останься он в свое время живым – и без проклятия – стал бы потрясающим... хотя нет. Не стал бы. Не те времена, чтобы восхищаться дедушкой Дуровым. Но его дар – это понимать любых животных. И даже не приказывать, нет. Это ты можешь приказывать тиграм – и они исполнят приказ. А ему стоит только попросить. Неважно – разумное или неразумное животное.оборотня – или самую обыкновенную змею. Это его дар.

– Это природа его силы?

– Да. Можно и так сказать.

– А можно сказать и по-другому?

– А еще он может направлять, поддерживать... мне нужен его опыт и его сила, чтобы держать свою под контролем. И какие-нибудь заготовки для амулетов.

– Золото?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Возможно, что-то из природных камней. Мы с Питером обсудим. Просто так или в серебряной оправе.

– Серебро неприятно и нам и оборотням.

– Но это не делает его хуже. Заодно не забудут, что амулет надо носить. Когда приезжает... Петр?

– Вместе с Альфонсо да Силва. Как только тот, так сразу и этот.

– Очень мило с их стороны.

– Юля, ты сама знаешь, что нам сложно передвигаться по стране. Когда примерно половину суток с тобой можно хоть что сделать. Убить, выкинуть на солнце, сжечь на костре...

– Даниэль вполне прилично действовал под солнцем. Да и ты.

– Во-первых, зимой, когда оно неактивное. Во-вторых, у Даниэля это было его свойство – действовать днем. Даже как вампир он прежде всего оставался художником. И не мог ограничиться только ночной стороной мира. Я подозреваю, что он был настолько слаб в других областях именно из-за своего таланта. Но оставим эту тему. Хорошо? Мне, например, было намного труднее. Если бы не наша связь, не полученная от тебя сила...

– Оставим эту тему, – согласилась я.

Даниэль умер. А я вот жива. Зачем? Даже Клара не стала колебаться, когда пришла пора делать выбор. Она пыталась унести меня с собой, но к своему Диего ушла. В надежде когда-нибудь родиться вновь – и встретиться. А я... я даже и этого не могу. Пытаюсь хотя бы увидеть любимого человека, позвать его, но все, все бесполезно. Не докричаться. Либо он ушел слишком далеко, либо его больше нет.

И от этого еще больнее.

– Я вызвал тебя еще по одной причине. К нам прибыл очередной кандидат на роль Князя Тулы.

– Опять?

За последний месяц нас посетило уже три вампира. Всех их объединяли возраст – ни одного младше тысячи лет – и сволочизм, – если бы любого из них укусила собака – бедное животное тут же издохло бы. Даже если бы это была собака Баскервилей. К «милому» характеру прилагалось также высокомерие и заискивание. Потрясающая смесь. Когда на тебя глядят, как на блоху, и при этом цедят сквозь зубы: «...не могли бы вы сказать своему хозяину, что я буду ему очень признателен...»

Мечислав забраковал всех троих.

Я тоже. Мне такая сволочь в соседях не нужна и с доплатой. Между нами, я надеялась спихнуть это дело на Совет. Но Мечислав уперся всеми конечностями. Ну как же, сосед может быть и союзником. А кого нам подберет Совет – неизвестно.

– Снова, – вздохнул Мечислав.

– Что, такая прелесть?

– Рудольфо Агвилар.

Мечислав произнес это с таким видом, словно... «Адольф Гитлер» или «Августо Пиночет». Я тут же потребовала подробных разъяснений.

– И чего от него ожидать?

Вампир поглядел на меня с удивлением, потом вспомнил, что я – всего полгода как общаюсь с особо клыкастыми, и кивнул.

– Если вкратце – проблем. Заносчивая самодовольная сволочь. Вот он кто. Силен, как черт. Но доверять ему – лучше спать с коброй на груди. Змеюка – такая милая рядом с ним, что просто расцеловать хочется.

– Его?

– Кобру, – огрызнулся вампир, расхаживая по комнате. – Если Рудольфо говорит, что на улице дождь – обязательно выгляни в окно. Вероятно, там уже три недели как засуха и пожар.

– А сила у него есть?

– Больше, чем у любого из тех троих.

– Тьфу.

Проблема.

– Что ты предлагаешь?

– У тебя прекрасно получалось разыгрывать идиотку с Иваном Тульским. Да и с Рамиресом. Не хочешь сыграть еще раз?

Интересно, это комплимент или хамство? А почему бы и не сыграть. Только вот... Я кивнула головой.

– Сыграть – несложно. Но что это нам даст? Все равно таким дешевле дать, чем объяснить. Или у тебя есть другой вариант на это место?

– У меня – нету. Но Борис звонил из Тулы.

– Как у него дела? Ты ему передал от меня приветы и поцелуи?

– Да. Передал. А теперь послушай. Мне надо потянуть время с Рудольфо. Борис упоминал, что нашел кого-то на это место. И должен приехать дня через три-четыре.

– Ага. А одновременно приезжает Альфонсо да Силва. Рудольфо жалуется ему – и мы огребаем проблем?

– Проблемы мы огребаем, если я откажу Рудольфо и не представлю лучшего кандидата. Тогда Рудольфо жалуется Альфонсо, тот отрывает мне голову – все весело и интересно. А если Рудольфо пока даже не успевает мне изложить свое дело, я могу сначала представить Альфонсо своего кандидата – и получить одобрение раньше, чем Рудольфо доберется до члена Совета.

– Хм-м. И что ты предлагаешь?

– Сегодняшний разговор ты нам должна сорвать. Хоть догола разденься, но...

– Размечтался.

– Мне даже и помечтать нельзя?

Мечислав послал мне нежную улыбку.

– Пушистик, я тебя обожаю. Мы можем ругаться сколько угодно, но когда нам грозит опасность извне, ты мгновенно забываешь все свои принципы и обиды. И готова сделать все, чтобы защитить своих людей или свою территорию.

– Это самое мое ценное качество.

– А твое потрясающее обаяние?

Я захлопала глазами.

– Славочка, ты мне так нахально льстишь! Я про-осто не могу... ой! А что, собственно, я не могу?

– Вот так и продолжай, – кивнул вампир. – Сейчас я попрошу доставить тебе подходящий костюм. И навестим нашего гостя.

– Ой! А я сегодня даже не накрашена! Какой кошмар!

Мечислав поморщился от моего взвизга, но вышибать меня из роли не стал.

– Я могу лично поработать твоим визажистом, Кудряшка.

– И маникюршей тоже? Хи-хи...

Смешок вышел особенно противным. Вампир поморщился и поднял трубку телефона.

– Таня? Лиза? Попроси Татьяну зайти ко мне с костюмом для Юлии. И пусть захватит какую-нибудь косметику.

Косметика лишней не будет. Особенно если учесть, что я приехала растрепой. Ну, не особенно, но синие джинсы и красная майка с короткими рукавами и вырезом, который не открывает даже ключиц – не тот стиль, который нужен для высочайшего визита. И волосы, собранные в конский хвост, хорошо бы распустить. И глаза подкрасить. А то мне летом капитально лень краситься. Прыщи нажать очень не хочется.

Почему прыщи?

А потому. Вот вскочил у девушки на лице прыщ. Она его тут же выдавила – или просто замазала кремом, сверху тоном, да еще и пудрой присыпала. Конечно, кислород к коже не поступает – и вместо обычного прыщика, который прошел бы сам, прижги его изначально одеколоном, мы получаем натуральную язвочку. И некрасивый след на лице. А летом это еще усугубляется пылью и потом.

Стук в дверь оборвал мои размышления. И в кабинет проскользнула Таня. Через руку у нее был перекинут чехол для переноски платьев, в другой руке была здоровущая косметичка.

– Привет, – помахала я ей рукой.

С оборотничихой мы познакомились только этим летом. Но подружиться уже успели. Таня была ничуть не хуже, чем Надя. Такая же язва и ехидна. Даже если за свой длинный язык она рисковала шкуркой, это ее не останавливало. Меня тоже.

– Привет хвостатым!

– Ага и тебе того же! Тебя одеть или раздеть?

– Думаешь, Мечислав сам не справился бы с раздеванием?

Таня смерила Князя Города откровенно веселым взглядом.

– Думаю, в конкурсе на скоростное раздевание женщин наш шеф взял бы первое место.

– Всегда предпочитал медленное раздевание и под музыку, – не остался в долгу вампир. –

Включить вам что-нибудь классическое?

– «Битлов». И выйдите вон, – решила я.

Мечислав подмигнул мне.

– А что я получу за это?

– Мою полную поддержку на сегодняшних переговорах. Мало?

– Мало.

– А больше все равно не будет.

– Кудряшка, ты стала ужасно жестокой!

– Почему только стала? Она и была заразой, – удивилась Таня.

– С кем поведешься, – подвела я итог. – Так мы здесь общаемся – или переодеваемся?

– Стриптиз устраиваем, – огрызнулся Мечислав. Потом он подошел к компьютеру, щелкнул мышкой – и по комнате разлилась знаменитая битловская «Yesterday».

Я шлепнулась на диван и принялась расстегивать босоножки. Мечислав направился к двери, но на пороге обернулся.

– Пушистик, раздевайся медленно. И постарайся повернуться лицом к моему столу – у меня там закреплена камера.

Я тут же запустила в него обувь. Промахнулась.

– Осечка, – прокомментировала Таня. – Думаешь, шеф не соврал насчет камеры?

– А кто его клыкастую душу знает. Мог и не соврать. Ладно, показывай.

Таня вытащила платье из чехла и чуть встряхнула, расправляя еле заметные складки.

– Обалдеть!

Платье было из тех, которые обычно называют «вечерними». Светло-сиреневое, с вплетенными в ткань в сложном рисунке серебристыми нитями. Как и все, что выбирал Мечислав – короткое и облегающее. С открытыми плечами и практически без рукавов. Только с узкой полоской чуть присобранного кружева того же оттенка. Оно сидело на мне как влитое, идеально показывая выпирающие ребра и торчащие ключицы. Увы. В жизни не хотела иметь модельную фигуру. Но после болезни поправиться мне так и не удалось. Невроз, психоз, да как ни назови мои заскоки – все будет верно. И это поставило окончательный крест на моих попытках походить на нормальную женщину, а не на скелет. Нормальные женщины в минуты душевных терзаний бросаются к холодильнику. Меня же безудержно рвало.

Ладно, не будем о печальном.

К платью полагалась сумочка из той же ткани. И серебристые босоножки на прозрачных акриловых каблуках такой высоты, что с них можно было прыгнуть с парашютом. Сантиметров пятнадцать, не меньше. Ну почему Мечислав высокого роста? Будь он пониже, мне было бы полегче.

Таня пихнула меня на диван и занялась моим несчастным лицом.

– Сделай что поглупее, типа куклы Барби, – попросила я.

Оборотиха согласно кивнула.

– Это из-за Рудольфо Агвилара?

– Да. Кстати, ты с ним еще не знакома?

– И не тянет. С ним в основном твоя старая подруга тусуется.

– Кто?

– Та самая, из-за которой ты ввязалась в драку с Дюшкой.

– Катя? То есть...

– Анна.

– Она еще жива?

– Почему бы нет?

– Очень жаль.

Никаких добрых чувств я к бывшей подруге не испытывала. Ну да, тебя сделали вампиром. Но я-то в чем виновата?! В том, что мне повезло больше? Вот уж нет. Это – лотерея. У кого-то голубые глаза, у кого-то карие. Кто-то блондин, кто-то брюнет. Кто-то при рождении получил определенную силу, а кто-то обломился по полной программе. И что? Лотерея.

Катку я старалась вытащить честно. До последней минуты. И не моя вина, что этого не получилось. Что Дюшка убил ее раньше, чем я смогла помочь.

Но Даниэля я ей в жизни не прощу.

Сдохну, а не прощу.

А лучше – пусть она сдохнет.

Похоже, Таня что-то прочитала по моему лицу, потому что замолчала – и дальше гримировала меня молча. Потом взялась за щипцы для завивки. Воткнула пару шпилек. Отступила на шаг, критически оглядела меня со всех сторон – и улыбнулась.

– Ага, готово. Полюбуешься?

– Пужасаюсь.

Я прошла в маленький туалет при кабинете вампира. Зеркало там большое, хорошее.

И из этого зеркала на меня смотрела типичная Барби. Только что не блондинка. В остальном – Барби – это не внешность, это – диагноз. Волосы, завитые в овечьи кудряшки. Густо наложенная косметика – губки бантиком и сильно подчеркнутые глаза. Глупые и круглые. Избыток румян и тонального крема – хоть красней, хоть бледней, а под штукатуркой все равно не видно. То, что надо.

– Таня, ты гений!

– Нет. Просто сделать из тебя Барби намного легче, чем человека, – съязвила эта нахалка. Я показала ей язык. И в этот момент в кабинет вошел Мечислав.

– Великолепно!

– Ага, тебя бы так расписали, – огрызнулась я.

– Кудряшка, ты давай, входи в роль, а не шипи.

Я вздохнула. М-да. После рассказа Вадима о моей нежной встрече с Иваном Тульским Мечислав повадился эксплуатировать мой длинный язык. С другой стороны – лучше так, чем по-другому.

Я захлопала ресницами, надеясь, что с них не осыплется граммов двести туши.

– Ой! Славочка! Нас ждут, да?!

– Да!

Мечислав подхватил меня под руку – и мы вместе прошли в бар. Ох, лишь бы там никого знакомого не было. Век не оправдаюсь!

Слава Аллаху – повезло. Никто не обратил на меня внимания. Рядом с Мечиславом можно даже Кинг-Конга поставить, все равно глядеть будут только на вампира. Сперва на него заглядывают все женщины. А потом мужчины будут прикидывать, как бы набить ему... лицо.

Я улыбалась, как настоящая Барби.

Рудольфо ждал нас в одном из кабинетов ресторана. Отдельных. И звукоизолированных.

А симпатичный вампир. Этаким испанский мачо в стиле Бандераса. Гладко зализанные назад черные волосы, черные глаза, типично испанские черты лица – везет нам последнее время на страстных испанцев. Жаль, что им на нас не везет. Я заулыбалась улыбкой Джулии Робертс – во все сорок пять зубов.

– Ой! А вы и есть Рудольфо?! Скажите, а вы никогда не жили в России?!

Рудольфо захлопал длинными ресницами. Еще бы. Я с порога обломала ему и Мечиславу весь ритуал приветствия. И собиралась издеваться дальше.

– А почему вы так решили?

– Ой! Ну как же! Это же старинное русское имя – Родион! А если уменьшительное, то Рудольф. Или это немецкое имя? Рудольф, Адольф... Ой! Вы же сейчас должны здороваться! Славочка, а как вампиры определяют, кто старше, а кто младше? По возрасту? Разве это важно после пары тысяч лет?! Или по статусу? Или вообще по росту? Или по силе? Ты мне как-то пытался объяснять, но я... вы знаете, Рудольф... то есть Родион...

– Рудольфо! – рявкнул вампир.

Я захлопала на него барби-глазками.

– Хорошо... а как сокращенно? Дольф? Или Рудик?

– Что?!

– Ой, ну какие вы вампиры странные-е-е... Неужели вас любимая девушка никак не называет... ну уменьшительно-ласкательно?! Вот я Славочку называю Славочкой! И он не возражает! А вы?

– Против чего? – выдавил окончательно запутанный мной вампир.

– Против Славочки! То есть Рудика!

– Да. То есть нет...

– Ой! Я думаю, вы все-таки иностранец! Как говорил Задорнов, вам просто немножечко сложно понять наше русское наречие...

– Язык, – поправил меня Мечислав.

Я высунула язык и принялась внимательно его разглядывать, сведя брови и глаза на переносице. Вампиры вздохнули с облегчением и обменялись понимающими взглядами примерно такого содержания:

Рудольфо: – Она что – больная на всю голову?

Мечислав: – Зато сильная.

Рудольфо: – Как ты можешь это терпеть?!

Мечислав: – С трудом. А надо.

Дальше я им переглядываться не дала, опять затрещав:

– Славочка! Опять ты шутишь! Ничего такого с моим языком не случилось! А на чем мы остановились?!

– Юля, сядь, пожалуйста, за стол. Что-нибудь тебе заказать?!

– Да! Хочу халвы! В шоколаде!!! Рот-фронтской! Или бабаевской! И пусть не подсовывают фирмы «Красный октябрь»! Она плохая!!!

– Чем?

– От нее толстеют!

Почему от одного вида жутко калорийных конфет толстеют, а от другого – нет, вампиры так и не поняли, потому что я тут же затрещала:

– А еще я хочу ананасового сока! Или нет! Березового!!! Так смешно! Сок, выжатый из березы! Хи-хи! Ой! А он сейчас только магазинный! Тогда лучше ананасовый! Он-то точно из свежих ананасов! Рудольфо, а ананасы сейчас созрели?!

– Что?!

– Ну вы же в Испании выращивали ананасы?!

– Юля, вампиры не выращивают ананасы. Сядь и помолчи, – Мечислав усадил меня за стол и улыбнулся Рудольфо. – Прошу простить моего фамильяра. Она еще слишком молода и восторженна!

– Ничего! Славочка, ты сам говорил, что после пятисот лет с тобой рядом...

Рудольфо отчетливо содрогнулся. Видимо, представил себе пятьсот лет рядом со мной-Барби. Я могла его понять. И тут же затрещала еще громче:

– Рудик, а вы представляете – пятьсот лет?! Это так много... Вы мне потом обязательно должны рассказать – как это, когда так долго живешь!

– Юля, скушай конфетку, – попросил меня Мечислав.

– Но их же еще не принесли.

– Тогда представь, что ты ешь конфету, и помолчи пять минут.

– Славочка, не хами!

Я надулась и отвернулась в сторону.

Мечислав обратил высочайшее внимание на Рудольфо.

– Я с удовольствием вас выслушаю.

Рудольфо это явно не понравилось, но просителем-то он приехал? Мы его сюда не звали. Наоборот, век бы не видеть, жить и радоваться.

– Я полагаю, вы и так знаете, почему я здесь.

Та-ак, надо быстренько уводить разговор в сторону, чтобы Мечислав не оказался в невыгодном положении.

– Славик! Так ты все знал! – обвиняюще заверещала я. И тут же переключилась на Рудика. – Вот! Вы, вампиры, совершенно разучились доверять людям! Просто-таки шарахаетесь даже от своей тени! Я ему фамильяр, почти что законная и родная супруга, а он! Не доверяет! Не объясняет! Ничего не рассказывает! А если я пытаюсь выяснить, где он был вчера – или почему у него на телефоне женские имена записаны, – молчит, как партизанин в гестапо!

Ой! Или правильно говорить – партизан? Кого – чего? Родительный или творительный падеж? Рудик, вы не знаете?!

– Чего?! – выдавил бедный вампир.

Я закатила глаза, показывая, какие вампиры тупые! Почти как задорновские американцы.

– Того! Падеж какой?

– Падеж чего? Скота?

– Ой! Рудик! Ну где вы в русском языке скота видали?!

Судя по лицу вампира, и меня, и скота он видал только в одном месте – в гробу. Интересно, пришибет – или удерет?

– Юля, помолчи, – вмешался Мечислав.

Официант быстро сервировал нам стол ананасовым соком и конфетами – и удалился.

– Славочка! Ты – нехороший тиран! Домашний! – выдала я. И занялась вовремя принесенным соком, вытягивая его через соломинку, со звуком работающего пылесоса «Цунами».

У Рудика был совершенно обалдевший вид.

– Э... – выдавил он.

– Вы остановились на цели вашего визита, – помог Мечислав.

– Да, – кое-как выдавил Рудик, – я хотел бы занять место Князя Тулы.

И тут же опомнился. Понял, что теперь он выглядит просителем, и попытался отыграть очко назад.

– Может, мы отправим вашего фамильяра погулять, а сами обсудим сложившуюся ситуацию?

– Рудик!!! – возмущенно заверещала я. – Вы тоже домостроевец?! Да что же это такое! Не успеешь встретить симпатичного вампира, как понимаешь: он – закоренелый шовкинист! Ой! Или шовкунист?! Славочка, как будет правильно?!

– Помолчать, – попросил меня Мечислав.

Я надулась и зашуршала конфетой.

– Не строю я никакие дома! – возмутился Рудик. – Юля, вы не понимаете, что есть сугубо мужские разговоры?!

– ЧТО?! – взвилась я. – Так вы хотите сказать, что сейчас пойдете по бабам?! Да как вы смеете?! Приезжаете! Оскорбляете!! Издеваетесь!!! Еще и Славика мне портите?! Как вам только не стыдно! Рудик! Вы казались таким порядочным человеком! Я было думала, что вы – добрый и умный! А вы! Сделать Славике такое предложение!!! Ужасно!!!

Дальнейшее пересказывать было бы слишком долго. Я охала. Ахала. Заламывала руки. Страдала. Визжала, что не потерплю измены от своего личного вампира. Обвиняла Рудольфа в потакании Мечиславу. А что?! Мужские разговоры?! Это же вампиры! Водку они не пьют! На рыбалку (видимо поэтому) не ездят! Ну значит, точно о бабах! А раз говорят, значит, и налево пойти могут! А раз могут – то и пойдут! А значит я, как женщина, обязана пресекать! Самым жестоким образом!

– ...я на вас Альфонсо пожалуюсь!!! – закончила я. – Он вам покажет, как обижать бедную девушку! То есть меня! Вот только приедет – и сразу же покажет!!! Достанет и покажет!!!

Мечислав послал Рудольфу красноречивый взгляд – и все-таки утащил меня из зала. То есть он пытался это сделать уже два раза. Но в первый раз я запустила в него графином с ананасовым соком. Досталось обоим вампирам. А во второй раз швырнула вазочку с конфетами.

Какой же дебош в ресторане – и без этого?! Как же ж можно?!

У себя в кабинете Мечислав хлопнулся на диван, забыв про изящество движений, – и расхохотался.

– Юля, ты была великолепа.

– Я старалась, – потупилась я, уже не изображая из себя Барби-маньячку.

– О да. Рудик! Славочка! Сок из свежей березы!

Я фыркнула.

– А что – плохо? Теперь он ко мне и близко не подойдет.

– Вот и прекрасно. Побудешь рядом со мной пару дней в качестве прикрытия.

– ЧТО?!

Вот тут я и поняла, как меня подставил этот клыкомонстр. Еще бы. Он и сам может бегать от Рудика, но если я рядом – бегать уже не надо.

– Это что – мне два дня из себя такое уродище разыгрывать?

– Лучше четыре. До приезда Альфонсо. И после приезда тоже.

– Тьфу.

Больше сказать ничего не получилось. Я злилась.

Но и отказаться не получалось тоже. Почему?

Да по кочану.

Это – мой город. Мой дом. И в этом городе живет моя семья. Мои друзья. Обратни, с которыми я подружилась, и которые сильно зависят от вампиров. Да и среди вампиров есть отдельные приятные личности. Мечислава можно называть как угодно. Гад. Сволочь. Редкий мерзавец. Но! При всем этом он совершенно не злой. И не делает людям больно только ради самого процесса. Мечислав – это ходячее олицетворение принципа меньшего зла. Потому что любой другой Князь на его месте будет намного хуже.

И если ради сохранения статус-кво мне надо немного построить из себя идиотку – я сделаю это. Только надо обговорить условия.

– Хорошо.

Мечислав улыбнулся, как сытый кот. Он и не сомневался в моем согласии.

– Но у меня есть условия.

– Слушаю?

– Я не буду проводить здесь всю ночь. Это раз.

– Я на это и не рассчитывал. А второе?

– Не лезь в мою настоящую жизнь. Ясно?

Брови вампира поползли вверх. И выглядело это так умилительно, что мне захотелось пригладить их кончиком пальца.

– Настоящую? Это какую?

– Это – где родные, друзья, институт – и так далее.

– А какое место тогда мы занимаем в твоей жизни?

Очень хотелось бы гордо отрезать: «никакого». Но это уж вовсе несообразное вранье.

Поэтому...

– Лично ты – пятнадцатое. Как раз после оливок с креветками и орешков со сгущенкой.

Вампир только улыбнулся.

– Попросить принести?

– Сейчас – перебьюсь.

– А чего тогда ты хочешь? Только скажи, – вампир потягивался на диване, как здоровенный хищный кот.

– Эти два условия ты принял?

– Да. Ты не будешь находиться рядом со мной всю ночь, и я не буду лезть в некоторые области твоей жизни. Это все?

– Практически. Еще в то время, когда я рядом с тобой – ты не распускаешь руки. Ясно?

Ни обжиманий, ни поцелуев – одним словом Ни-Че-Го!!!

– Поторгуюсь? – прищурился вампир. Я помотала головой.

– Никакого торга. Я нахожусь рядом с тобой, но ни на что более серьезное, чем поцелуй в щечку, ты меня не провоцируешь. Мне нужна ясная голова, а с тобой это и так невероятно сложно.

Мечислав расплылся в широкой улыбке.

– Я на тебя так действую, Кудряшка?

– Да ты на всех так действуешь! – огрызнулась я. – Если тебя в кошатник засунуть – у них у всех гон начнется. Или у кошек мартовский синдром? Один черт! Короче, если хочешь, чтобы я отшивала этого Рудика, изволь держать руки при себе. Ясно?

– Безусловно. Пока он здесь – я просто образец стыдливости, целомудрия и скромности.

– Образина, – огрызнулась я.

Вампир показал в улыбке острые клыки.

– Еще условия, прелесть моя?

– Не называй меня так, я себя чувствую кольцом всевластия.

– У вас много общего.

– В том смысле, что кусать нас – зубы обломаешь?

– В смысле привыкания. Я уже не представляю себе жизни без тебя...

– И я тоже. Я могу о ней только мечтать, – поддакнула я. – Договорились? Никаких приставаний. И второе. Пусть с твоими балерунами договаривается кто-нибудь другой.

– Тебе сложно?

– Мне – лень и неохота. И отдохнуть когда-то надо.

– Ладно, – вздохнул вампир. – Сойдемся на промежуточном варианте. Встречать и договариваться ты не будешь. Пошлю Леонида. А ты будешь представлена им как моя подруга. Идет?

– Зачем тебе это вообще понадобилось?

Вампир закатил глаза.

– Прочитаешь досье – поймешь.

– И где оно?

– Леонид отдаст.

– Всё? Я могу идти?

– Пушистик, какая ты неромантическая...

– Зато умная, надежная и практичная. Чего еще надо?

– Ничего, – рассмеялся вампир. – Тебя проводить?

– Сама дорогу найду.

– Ладно. Тогда я сейчас вызову того же Леонида, пусть отвезет тебя обратно.

– Договорились.

Ленька заявился через пятнадцать минут. Вручил мне два диска и широко улыбнулся.

– Приятного просмотра.

Я ответила ему взглядом голодной гиены.

Мечислав проводил нас до машины и удостоил меня на прощание низкого поклона. Я ответила пародией на реверанс – и мы наконец-то уехали. Домой. Вот оно – счастье.

* * *

Он смотрел в темное небо и улыбался. Слабый ветерок гулял по комнате, но закрывать окно не хотелось. Тепло. Как будто середина лета, а не конец. А ведь почти. Два дня лета – и осень. Плодотворная осень? Возможно. Скоро должен приехать Альфонсо да Силва. Но можно ли это использовать себе на благо?

Летом казалось, что желанная цель уже близка. Еще бы немного... стоило только похитить Юлю – и Мечислав лишился бы части своей силы. И Рамирес мог бы дожать его. И все бы прекрасно получилось. Конечно, Ивана Тульского и Рамиреса пришлось бы убрать, а потом свалить все на Мечислава. Вполне. Все было бы возможно. У шпиона была наготове команда боевиков, которая все это сделала бы. Но – увы. Эти идиоты даже одну сопливую девчонку не

смогли похитить. Не приняли ее всерьез и дали ей время для ответного удара. И Юлия разнесла засаду в пух и прах.

Вампир поморщился, поймав себя на нелогичности. Раньше он не был таким невнимательным. Это на него плохо действует отсутствие дисциплины и порядка, царящие в команде Мечислава. Отвратительное панибратство и распущенность оборотней, кошмарное поведение фамильяра Князя, редкостное всепрощенчество самого Мечислава. Не-ет, это просто омерзительно! Вот там, где он жил раньше, все было совсем по-другому. Князь Города в буквальном смысле был царем и богом на своей территории. И правил железной рукой страха. Ни один из вампиров не смел даже глаза на него поднять. Фамильяр понимал своего господина с полувзгляда и мчался исполнять приказания. А оборотни с ужасом произносили даже имя Господина. А уж чтобы обсуждать его за глаза и говорить, что у Князя «клёвая попка...»? Если бы кто-то посмел говорить такое, смерть паршивцев была бы достаточно медленной и мучительной. А тут! У Мечислава даже пыточная пылью покрывается! Допросы?! Последний был еще месяц назад. И то не на пыточном столе, где говорят правду даже самые стойкие, а в кабинете. В присутствии этой наглой соплячки! Чтобы она прочитала ауры!

И это вместо грамотного допроса третьей степени!

Ужасно!

Вот если бы он был Князем Города – он не допустил бы такого. И даже прежний Господин позавидовал бы установленному им порядку. Но – увы.

Ему уже за пятьсот лет, а он до сих пор не ронин.

И это жжет хуже каленого железа.

И в то же время – сейчас у него есть выход.

Юлия Евгеньевна Леоверенская.

Он испытывал двойственные чувства к этой девчонке, сердился за это на себя – и ничего не мог с собой поделать. Холодный отточенный разум отказывался оценивать девушку в привычных параметрах. Слишком она была парадоксальна и непредсказуема. С одной стороны – холодная расчетливость, с другой – взбалмошность. Кидаться в драку ради родных и друзей – и в то же время хладнокровно перечислять их недостатки. Сделать все возможное ради брата, которого не видела чуть ли не десять лет – и тут же хладнокровно отдать его оборотням. А ее сумасшедшая любовь к этому бесполезному художнику? Глупость какая! Это ведь не вампир, а недоразумение!

И в то же время он знал множество женщин, которые падали в руки Мечиславу, как спелый плод. А эта – нет. Но почему?

Вампир вспомнил подслушанный недавно разговор двух оборотних. Кажется, Нади и Лизы? Кажется, так! Тоже, где это видано, чтобы лиса и тигр дружили?! Да разные кланы оборотней положено стравливать и ослаблять! А уж никак не объединять под одной рукой! Они же чуть что – сорвутся и вцепятся друг другу в глотки. А эти – шли и беседовали, как две подруги.

– Мечислав – просто лапочка. Но я с ним не спала. Кровь он брал, но секса совершенно не было. Он сказал, что Юлька обидится.

– Леоверенская? Жаль, что он на свою Кудряшку запал, а та как Каменный гость – ломается, а не дает...

– Эй, ты на мою подругу бочку не кати! Хвост выдеру!

– Это еще кто кому выдерет, воротник мохнатый!

– А сама-то?! Коврик у камина!

– Подстилка для блох!

– Выгул для вшей!

Оборотники дружно расхохотались, к удивлению вампира, который ждал воплей драки и собирался разнимать мерзавок и примерно наказывать. Но куда там... вместо этого оборотень-лисица серьезно произнесла:

– Юльку – не тронь. Она чуть в могилу не отправилась из-за Мечислава. Какая там любовь!

– Это когда? Когда Дюшка сдох?

– Ага. Мечислав ей обещал и клялся, что защитит Даниэля, знаешь такого?

– Знала. Художник. Но не от мира сего.

– Вот. Он и меня рисовал. Талант у него был от бога. Они с Юлькой друг в друга втрескались по уши, я-то видела.

– А ты его знала?

– Он и меня рисовал. А ее... Мечислав говорил, что он ее только использовал, а я думаю не так. Сначала – может быть. А потом, когда я их второй раз увидела – он бы за нее жизнь отдал.

– Он и отдал.

– Мечислав ему обещал защиту, а не дал. И Юлька просто расхотела жить. Если бы не ее семья – она бы себя точно в гроб загнала.

– На нее не похоже.

– Она по жизни кусаться будет. А ночью – реветь в подушку. И грызть себя за то, что не уберегла Даниэля.

– Как она себе это представляет?

– Не знаю. Но вылечит ее только время. Предлагаю пойти хлопнуть по чашке кофе. Мечислав настоящий выписывает, не порошок из баночки или эти, не дай боже, быстрорастворимые чисто химические гранулы...

– Пошли...

Голоса затихли. Вампир еще несколько минут прислушивался, но больше ничего не услышал. Надо сказать, что разговор помог ему. Он по-прежнему не понимал Юлю, но теперь принимал версию ее подруг за основу – и строил свой анализ ситуации именно на ней. И – все более или менее сходилось. По крайней мере часть поступков.

А если можешь просчитать человека – сможешь и управлять им.

Пока до этого далеко. Но он будет упорно работать. И недалек тот момент, когда Юля станет его фамильяром, а он, увеличив свою силу до необходимых размеров, станет хозяином своей судьбы – и Князем Города. А там – чем черт не шутит – и членом Совета вампиров?

Все может быть!

Вампир мечтательно смотрел в звездное небо. И перед его разумом проплывали блистающие картины будущего.

Ради власти и богатства он пойдет на всё.

Глава 2. Не доверяйте медведю, что ходит на двух ногах. И вообще – не доверяйте двуногим

31 августа

– Шеф все-таки подписал тебя на открытие?

– Чего уж удивляться. Он сам же днем не может, а на меня спихнуть – милое дело.

– А на кого еще? Ты ему и правая рука, и левая нога...

Я невольно улыбнулась. Да уж. Отослав Бориса, Мечислав принялся спихивать общение то с теми, то с этими – на меня. Ну да, на кого же еще...

– Ленька, знал бы ты, как неохота....

– Знаю. Между нами, наш губернатор то одну глупость, то другую выдумает, а мы отдуваемся...

Я печально кивнула, и мы замолчали, размышляя о печальной жизни обычных оборотней и фамильяров. Машина мчалась сквозь ночь.

Тут надо немного отвлечься в историю города. Нашему городку уже за čtyреста лет. И все это время ему то очень не везло с губернаторами, то просто не везло с ними же. На истории и краеведении (да, и такое есть...) нам рассказывали о шести разжалованных губернаторах и чetyрех повешенных. И коммунизм в этом отношении ничего не изменил. Единственным исключением были сталинские времена. Но тогда не воровали вообще. У Иосифа Виссарионовича был очень прагматичный взгляд на воров. Блатная романтика? Ха! В сталинские времена группа «Лесоповал» прямиком бы отправилась соразмерять творчество с реальностью. Так сказать, «осваивать все на личном опыте». А воры... Не хочешь работать честно – будешь работать там, где воровать нечего. Сосновое полено не сопреешь. Да и сопреешь – много тебе будет от него проку? В тайге и на зоне?

Это был единственный период, когда наш город процветал. Потом, во времена Хрущева, сюда посадили очередного вору́гу – и тот истово принялся растить повсюду кукурузу, загубив при этом кучу пастбищ. Кукуруза не выросла, зато экономика города серьезно пошатнулась. И шатается до сих пор. Ну да ладно, это долгая история многих воров.

Нынешний губернатор твердо решил продолжать вековые традиции. При нем встали все заводы, загнулись лаборатории и медленно и печально тонет сельское хозяйство. Зато сам «хозяин области» успешно отстроил себе и детям по дворцу и закупил недвижимость за границей.

Дед ругается на него последними словами и утверждает, что «если этому хапуге не отстегнуть, то никакое дело сделать не удастся, все затормозит, каз-зел...». Мечислав же...

У вампиров свои методы ведения бизнеса. Одна добрая и ласковая улыбка – и человек делает все, о чем его попросят. Жить-то хочется больше, чем денег. Кстати, с недавнего времени дед перестал плевать ядом в сторону губернатора, и я сильно подозреваю, что к этому причастен вампир. Мечислав вообще часто пересекается с дедом и по делам (после того, как дед подмял под себя бизнес Снегирева), и чисто по-дружески посидеть, потрепаться у камина.

Но это я опять отвлекаюсь.

Ко всем его прочим неоспоримым достоинствам наш губернатор обожает праздники. Открытия того. Открытия этого. Посверкать голливудскими коронками, порезать ленточки, дать конфетку ребенку – это он всегда за. Поэтому у нас его видят на каждом строительстве. А в этот раз наш вору́га задумал строить подземный переход.

Мы – откровенная провинция. Прямо скажем – не Москва. И метро у нас в ближайшие лет пятьсот не предвидится. На кой ляд нам подземный переход, да еще рядом с городским парком, да еще там, где люди дорогу раз в полгода переходят по очень большим праздникам – черт его знает. Все нормальные люди давно строят надземные. Высоко. Удобно. Бомжи в

них не собираются. Цыгане не попрошайничают. Сломается? Так и подземный переход может обрушиться. Ветер? Снег? Ураган?

Ну извините, здесь вам – не там. Торнадо здесь не бывает, а все остальное вполне можно просчитать.

Да и стоит это намного дешевле подземного перехода. Но тогда ведь и украсть удастся намного меньше. Факт.

Кому ж такое понравится?

Поэтому у нас собираются строить подземный переход. Перекрыли улицу, учетверили пробки и аварии на дорогах и решили провести торжественное открытие строительства. Песни, пляски, первый куб земли, вывороченный новеньким экскаватором...

Стоит этот экскаватор как очередной космический корабль. По ведомости. Сколько он стоит, так сказать, в реале – тайна сия ведома только губернатору. Вот.

На открытии этого строительства и должна была петь Дося Блистающая. А заодно Лаврик Звездно-Прогульский, Миша Пила и Линда Шалмари. Но Мечислав решил получить к себе «Волчью схватку» только одну звездулку. А именно – эту Досю. Лаврика вампир собирался заполучить в «Три шестерки», а остальные... Линду и Досю сводить вместе не рекомендовалось. Могло сильно пострадать все окружающее. Девушки были такими антагонистами. Блондинка и брюнетка примерно одинаковых параметров и репертуара. Но джентльмены предпочитают блондинок. Мало кто знает, что потом этот автор написал еще одну книгу с лирическим названием: «А женятся джентльмены все-таки на брюнетках». А Миша Пила... Во-первых, голос у него соответствовал псевдониму и напоминал несмазанную циркулярную пилу, а во-вторых, в «Трех шестерках» песни про лесоповал и страдания зеков просто не звучали бы. Не та символика, не те посетители.

Хотя Мечислав планировал открыть еще один клуб и назвать его «Каторга и зона». Уже куплено здание для этой цели и подбирается подходящий дизайнер. А меня Мечислав подбивает нарисовать что-нибудь такое... в духе «Бурлаков» или «Каторжников». Может, я и соглашусь. Но если каторжники будут иметь сходство с местной администрацией – я не виноватая. У меня по-другому не выходит.

Леонид честь-честью довез меня до дома, проводил до квартиры и даже попытался поцеловать ручку на прощание. Получил (хорошо, я не попала, но пыталась же) сумкой по голове и откланялся. А я прошлепала на кухню и первым делом включила чайник.

Со здоровенной чашкой чая и блюдом всяких вкусных вещей (сушки, сухарики, орешки, печеньки) я и уселась в кресло. И загрузила первый диск. На нем была вся информация на медведиц. Я открыла папку и пересчитала файлы. М-да. Всего – восемнадцать. Пока о каждой прочитаешь – не то что утро, опять вечер наступит. Второй диск был на Досю Блистающую и на Лаврика Звездно-Прогульского. И про кого же из них прочитать? За оставшееся время? Спать тоже надо...

Про медведиц? Много. Про Лаврика? Не тянуло.

Что ж. Досе место.

* * *

Трудный творческий путь самой Доси Блистающей начался в маленьком городке с гордым коммунистическим названием Сталинсталь. Как легко догадаться, население городка состояло из трех категорий. Первая – шахтеры, которые добывали руду. Вторая – работники заводов, которые ее перерабатывали. Третья – самая многочисленная – те, кто жили с их труда. Врачи. Учителя. Продавцы. Нужно подчеркнуть, недостающее – вписать.

Дося, она же Даша Свинкина, родилась в семье шахтера и учительницы. Училась на тройки. Зато обожала тусовки. А их в родном городке было очень мало. Только дискотеки по

субботам. На них приходили сильно накрашенные девушки и полупьяная «рабочая молодежь» в сапогах. Этими сапогами наступали на ноги партнершам по танцу, в качестве подарка даме покупали бутылку пива и дешевую шоколадку, а изящное предложение заключалось в двух словах: «Пошли... это, а?» и джентльменском шлепке по заду.

Дося это резко не устроило. И в семнадцать лет, после окончания школы, амбициозная провинциалка ринулась покорять Москву.

Разумеется, только МХАТ. И никакой другой институт Дося не устраивал. В крайнем случае училище имени Щепкина. То, что во МХАТе вообще-то готовят артистов театра, было неважно. Главное – престижное местечко, чтобы там можно было завести нужные связи. Логика у Даши была железная.

Увы, во МХАТе обитали чрезвычайно жестокие люди.

Взглянув на аттестат с королевским набором троек и слабо проглядывающими четверками (две штуки – по пению и физкультуре), дама в приемной комиссии дружески посоветовала девушке не тратить зря время. Все равно ничего не выйдет.

Доброго совета Дося не послушалась.

Комиссия, пять минут послушав монолог «письмо Татьяны к Онегину», выглядевший примерно так:

Я... это... вас люблю, чаво же боле... што я могу еще сказать...

Это... теперь... это я знаю, в вашей доле... меня призьнем оказать...

Но вы!!!! К моей несчастной страсти... это... хоть каплю жалобно храня...

ВЫ НЕ ОСТАВИТЕ МЕНЯ!!!

Все это было произнесено, даже не сплюнув жвачку, с неповторимым местечковым акцентом, интонациями матерой шантажистки и жестикуляцией какой-нибудь Марии-Ангелиты из мексиканского сериала.

Понятное дело, могли бы взять и такую. Только плати. Если у человека есть достаточно денег – и он хочет видеть актрисой свою доченьку, женушку или даже любимую гвинейскую кобру – дорога всегда открыта. Только плати. Но из денег у Доси имелось около двух тысяч рублей. И – всё.

Поэтому не найдя своего имени в списках поступивших, провинциалка взвилась и помчалась разносить деканат.

Успехом сие предприятие не увенчалось. Механизм избавления от слишком скандальных и назойливых хамов давно был отработан. И Дося, тогда еще Даша, обрела ночевку в «обезьяннике».

Оттуда и началось восхождение на Олимп будущей звезды.

В «обезьяннике» Даша познакомилась с Лолой. То есть Ларисой Ливинской, проституткой с большим стажем. За ночь девушки разговорились – и к утру последовало «предложение, от которого нельзя отказаться».

Даша и не отказалась. У нее было два пути. Либо поступать куда-нибудь, хоть в пятое штукатурно-малярное, и учиться, только вот знания не хотели задерживаться в симпатичной пергидрольной головке. Либо возвращаться с позором домой и выходить за соседа Витьку, который работал аж шофером у директора завода и считался в Сталинстале почти элитой.

Либо...

И симпатичная Дашенька, насмотревшись «Красоток» по телевизору и взяв псевдоним «Диана», стала ждать своего принца у дороги. Она бы согласилась и на олигарха, но олигархи (непонятливые люди!!!) совершенно не обращали внимания на милую девушку. И на крючок не ловились. Зато легко ловились гонорея и генитальный герпес.

Но несправедливо будет сказать, что Диана не училась. За год из ее речи пропал «сталинсталеvский» акцент. Она отучилась вытирать нос рукавом и поливаться духами так, что пролетающие мимо птицы падали на землю. Зато научилась курить, как паровозное депо, пить

не пьянея и виртуозно материться. А потом ей первый раз улыбнулась судьба. На сутенера Дианы вышел один из режиссеров порнофильмов. И выбрал сниматься нескольких девочек. В том числе и Диану.

Женщина (называть ее девушкой было бы уж слишком цинично) согласилась с восторгом. Полный список ее шедевров насчитывал больше пятидесяти фильмов и включал такие перлы, как «Красная шапочка» – по количеству одежды на главной героине, «Маша и три медведя» – режиссер придумал одеть героев в медвежьи шкурки, «Девочка с козленком» – американское общество защиты животных, к счастью, никогда не увидело этот фильм, и многое, многое другое.

Диана привлекла внимание режиссера несколькими ценными качествами. Она была очень фотогенична. Никогда не пила за два дня до съемки, если ее предупреждали заранее. И никогда не приходила пьяной на съемочную площадку. Она не употребляла наркотики, а таких фраз, как: «Не буду», «не могу» и «не хочу» в ее словаре просто не было. Их заменяла универсальная фраза: «Сколько?»

Одновременно со съемками Диана упорно ходила на кастинги прослушивания и просмотры. И однажды ей-таки повезло. Ее пригласили участвовать в одном из многочисленных ток-шоу. Просто в качестве зрителя. Но – лиха беда начало!

От зрителя девушка постепенно перешла к роли подставного актера. А потом, на модной тусовке Диана познакомилась со своим будущим продюсером. Познакомилась далеко уже не случайно. И постаралась произвести на него наилучшее впечатление.

Учитывая обширный опыт, это ей удалось на «отлично». Продюсер был настолько потрясен, что кое-как выбравшись из постели на подгибающихся ногах, решил раскручивать новую звезду.

Имя Диана не годилось. Кто-нибудь мог и вспомнить порнодиски. Не то чтобы это сильно компрометировало новую певицу, но скандалы должны быть в нужное время и в нужном месте. Когда решит продюсер, а не какой-нибудь журналюга. Поэтому родилась Дося. Понимая, что главное достоинство его подопечной вовсе не красивый голос, продюсер решил по максимуму украсить остальное – и на певческом Олимпе засияла еще одна звездюлька.

Маленькая пластическая операция позволила милой девушке чуть изменить разрез глаз, обрести надутые губки и грудь шестого размера, которой не нужны были лифчики, ибо пластмасса не обвисает.

Реклама, несколько текстов и по максимуму блесков. И – готово.

При всем этом у Доси было поразительное качество. Она была религиозна до крайности. В духе Тартюфа¹. Согреши – и покайся, дитя мое. Не нагресишь – каяться будет не в чем, а такого Господь не любит. Поэтому каждое утро, когда она могла, она шла в церковь. Иногда прямо с работы. Выстаивала службу. Исповедалась. Ставила свечки. И даже хотела построить на свои деньги церковь. Продюсер уговорил ее ограничиться домашней церквушкой, но зато освящать ее пригласили целого архиепископа. Заплатили столько, что год хватило бы кормить всех церковных старушек – тех, кто милостыню у церкви просит. Но разве стоит истинно верующим думать о таких мелочах?

Нет, нищим Дося не подавала. Только сыпала деньги в церковные копилки. И покупала целые иконостасы и шкафы священных книг.

Что ж, не будем осуждать девушку заочно. Может, это у нее хобби такое? Кто-то хомячков разводит, кто-то марки собирает... Религия ничем не хуже. Глядишь, девушка с тяжелой рабочей судьбой окажется вполне вменяемой.

¹ «Тартюф, или Обманщик» – комедия Мольера. Главный герой исповедует примерно такие принципы: «Смушать соблазном мир – вот грех, и чрезвычайный. Но не грешно грешить, коль грех окутан тайной». В комедии высмеиваются те, кто использует религию для манипулирования людьми. – *Здесь и далее прим. авт.*

А не она, так ее продюсер.
Такая вот женщина и ехала к нам в городок.
В самом низу досье была коротенькая строчка.

«Опасна. Страстно желает замуж!»

К досье Ленька (гад мохнатый) приложил еще и штук пять клипов. Я крутанула один... Порнуха – она и есть. И названия соответствующие. «Резвые зайчики». «Белоснежка и семь гномов-шахтеров». «Волчица и семеро козлов»...

М-да. У продюсера порнухи была явная склонность к сказкам.

А это что?

Ну, Ленька!!! Хвост оторву!!! Уши обрежу!!! На воротник пушу!!!

В диск была вложена записка: «Советую смотреть вместе с вампиром. Очень познавательное зрелище».

Но я твердо знала – если я решусь это посмотреть с Мечиславом... Так, не надо о страшном. Интересно, неужели не нашлось никого поинтереснее этой экс-проститутки, чтобы петь на открытии?

Да и вообще – идиотская идея. Но – увы.

Я схлопнула папку. Сходила, налила себе еще чашку чая, обновила запас вкусок, изрядно убавившийся за время чтения – и открыла вторую.

Лаврик Звездно-Прогульский.

В миру – Лаврентий Ленинович Гулькин. Понятно. Предки были слегка того. На идеях коммунизма. Хотя... ничего плохого про коммунизм я не скажу. Идея была что надо. Воплощение – не через то место. Коммунизм надо было строить при не воруящем правительстве. Хотя бы в самом верху. Вот как при Сталине. Прожил бы Иосиф Виссарионович лет на двадцать дольше, не впав в маразм, – глядишь, и коммунизм бы уже наступил. Или если бы Берию не шлепнули...

Ладно. Не будем о грустном.

Важно то, что Лаврик родился не только типичным московским мальчиком, но еще и в семье потомственного партийного работника.

Дедушка – секретарь парткома, папа – успел поработать в месткоме, а потом, когда началась перестройка, стал бизнесменом. В итоге Лаврик получился типичным представителем «золотой молодежи» – с серебряной ложкой во рту, голливудскими зубами, трамвайно-хамским поведением и твердым убеждением, что солнце светит миру из его... рук.

Спору нет, и среди детей бизнесменов встречаются нормальные. То есть такие, кто тоже учится, работает и собирается работать. Но их мало. А девяносто процентов «золотых деток» твердо убеждены, что «папа купит». Или «мама оплатит».

Самостоятельно эти кадры неспособны даже забить гвоздь. Просто не поймут, каким концом его надо приставлять к стене и где у молотка джойстик. Зато они прекрасно разбираются в марках машин и одежды, дифференцируя их по принципу «круто» и «отстой». Знают все недавно выпущенные компьютерные игрушки и активно потребляют их. И прекрасно отличают кокаин от «звездной пыли», являясь активными потребителями.

Такие дети очень хорошо знают слово «хочу». А вот со словом «нет» – у них большие проблемы.

Таким же ребенком явился и Лаврик. К сожалению своего отца, мальчик обладал сильным сходством с Филей Киркоровым, чьим активным поклонником являлся. Песни, клипы, куклы, плакаты, подержанные шмотки своего кумира – Лаврик был неоригинален.

Его отец волком выть был готов. А потом мальчик решил петь.

Что ж. Дешевле было оплатить, чем вразумить. И папа договорился со старым другом, который в девяностые пошел из секретарей комсомола в продюсеры и активно раскручивал «звездулেক».

Дальше все было стандартно. Программа «Звездный дождь». Шоу «Под стеклом». Куча всяких «граммофонов» и «дисков». Чёс по провинции – то есть когда звезда за неделю сменяет восемь городов и везде дает концерты. Участие то там, то тут. То в одном, то в другом конкурсе. Хотя первых мест у Лаврика нигде не было. То ли папа не проплачивал, то ли не хотели давать, даже невзирая на деньги – репутация, она дороже.

Возможно, что и то – и другое.

Ничего не скажешь, Лаврик выглядел симпатично. Молодой Филя был обаятельнее. Лаврику мешал рязанский нос «картошкой» – симпатичный, но... ой, то есть уже не мешал. Мальчик сделал себе операцию и стал еще больше походить на своего кумира.

На кой черт это сокровище сдалось Мечиславу?

Не знаю. Но шоу-бизнес и ресторанный бизнес для меня – потемки. Пусть вампир решает сам, кого и когда можно продать зрителям. А я – мне достается роль хозяйки приема. Буду следить за количеством салфеток и расстановкой блюд. И хватит с меня.

Я отложила досье, даже не поинтересовавшись творчеством Лаврика. Зачем? Досья была намного любопытнее.

Почитать про медведиц?

А, к черту! Спать хочу! Завтра полистаю, если время останется. А если и нет – переживем. Главное – не хамить в лицо, а дальше разберемся.

* * *

Кошмары мне этой ночью не снились. Пустячок, а приятно. Поэтому я проснулась готовая на подвиги.

Для начала я проверила почтовый ящик – и не зря. Пришел очередной номер журнала от охотников на вампиров! Я плюхнулась на диван и вцепилась в невзрачную серенькую тетрадку. М-да, издано... ИПФ особенно не тратится на учебное пособие. У нас туалетную бумагу иногда качественнее делают. Но это – неважно. Главное – содержание. Я листнула оглавление.

А что? Хорошая тема. Экзорцизм. История, что, зачем, кого, когда, Россия, зарубежье...

Этот номер полностью посвящен изгнанию демонов. А что, не худшая тема! Прошлый номер, например, был посвящен укусам различных видов оборотней. С иллюстрациями, указанием различия в прикусах и размерах между клыками... А заодно давались способы уничтожения оборотней. Преподносилось это как «освобождение души человеческой из лап дьявольских, в кои душа попадает после укуса отродьем нечистого». Какое отношение оборотни имеют к чертям, лично мне до сих пор неясно. Глупо же! У китайцев глаза другой формы и кожа другого цвета. А у оборотней мех в полнолуние растет. А педик, пардон, товарищи-нетрадиционалы (ага, тамбовский волк им товарищ, холодной и голодной зимой) нехорошим делом занимаются. Но ни первых, ни третьих мы не отстреливаем. А вторых тогда почему гнобить надо?

Нет уж. Либо всех, кто отличается – всех под нож, либо извините.

А это что? Закладка?

На первой странице был вложен небольшой квадратик бумаги. Я выдернула его и пригляделась.

На плотном картоне было напечатано готическим шрифтом:

Приглашение на 2 (два) лица.

И чуть ниже:

*«ИПФ приглашает Леоверенскую Юлию Евгеньевну на лекцию пастора Михаэля по теме “Экзорцизм”. Выступление состоится 01.09.20** в 19–00 в малом зале кинотеатра “Родная Земля”. Вход строго по пригласительным билетам по предъявлении паспорта».*

Интересное кино. Я подняла трубку и набрала номер Рокина.

ИПФовец оказался дома. И даже снял трубку сам. Редкий случай.

– Рокин слушает.

– Алло? Константин Сергеевич? День добрый.

– Юля? Здравствуйте. Рад вас слышать. Что случилось?

– Да ничего особенного. Мне тут приглашение пришло. На лекцию.

– Ну да. Вы его получили вместе с журналом. Вы придете?

Я замялась. Помня, чем для меня чуть было не закончилась предыдущая лекция...

– Юля, это совершенно безопасно для вас. Мы не желаем вам зла и не питаем враждебных намерений по отношению к вам. Именно поэтому лекция проводится не у нас в храме, а в публичном месте. И вы можете даже взять с собой любого человека по вашему выбору.

Угу. И кого я могу с собой взять? Вот так, навскидку? Все мои знакомые – с этой стороны жизни – либо вампиры, либо оборотни, либо ИПФовцы. Первые две категории не проходят в силу физиологии, третьей категории я не доверяю. Деда пригласить? Ага, бегу и падаю. А кого?

А кого мне вообще не жалко?

Может, преподавателя по ОБЖ?

Рокин, встревоженный моим долгим молчанием, прорезался на том конце трубки:

– Юля, мы вам не враги. И чем быстрее вы это поймете...

– Тем быстрее меня прикончат?

– Как вам не совестно!

– Вы знаете, после вашего дяди Леша, то есть папаши Алексия – мне уже совершенно не совестно. Кажется, в народной культуре то, что он хотел сделать со мной, называется «зомбировать». Надеюсь, им на том свете кастрюли чистят.

– Юля!

Я поняла, что перегнула палку. И отступила на шаг.

– Ладно. Я подумаю. А вы там будете?

– Разумеется.

– Тогда – всего хорошего.

– До свидания.

Я повесила трубку и задумчиво уставилась на журнал.

С ИПФовцем мы не виделись с лета. После подставы с этим святым отцом я перестала доверять Рокину. Он-то человек хороший. И служака честный. И говорит, что думает. Потому до сих пор и не генерал. А вот вся остальная ИПФовская свора...

Нет уж. Единственный церковный деятель, который работал на благо своей страны, подчеркиваю, единственный – это был кардинал Ришелье. А все остальные работали исключительно на себя. А если учесть, что ИПФ произошло от инквизиции... граждане, вы вообще-то в курсе, что инквизиция – порождение католической церкви? На Руси век такого компота не было. А вот католики породили.

А если открыть историю католической церкви? Мне вот в руки попала книга про римских пап. Таки я вам скажу – в Риме все родня друг другу. По папе. Там их штук десять было или даже больше. И с такими наклонностями, что неохваченными их вниманием остались только козы, коровы, куры и младенцы. И то не все. А от гнилого семени не жди хорошего племени. Знакомое выражение? Вот. Из гнилого семечка, посаженного инквизицией, ничего лучше ядовитого плюща не вырастет. Или – гигантской росянки. Ладно. Не будем углубляться в бота-

нику, важно то, что ИПФ и порядочность скорее всего несовместимы. И если я не хочу вляпаться, лучше туда не ходить. Только вот...

Есть предложения, от которых лучше не отказываться. И худой мир лучше доброй ссоры.

А если идти – то с кем? Одной, а оборотни пусть на улице постерегут? И микрофончик на себя повесить. И маячок. Штук пять.

Вообще, хорошая идея. Надо обговорить с Мечиславом все условия. Но вампир раньше вечера не проснется. А с кем тогда?

А не с кем. Значит – будем прыгать.

* * *

На встречу с медведицами я оделась очень основательно. Их – восемнадцать. Я – одна. А человек начинает говорить о себе, только-только войдя в комнату, еще даже не открыв рта. Недаром – встречают по одежке.

Любимые джинсы пришлось – с болью в сердце – оставить в шкафу. И на свет появился шикарный зеленый костюмчик. Этакого изумрудного оттенка – как раз под цвет глаз одного знакомого мне вампира. Подозреваю, что к выбору моих шмоток причастен именно он. И Таня приносит мне вещи, уже прошедшие отбор у Мечислава. Но – дареного коня к стоматологу не водят.

Строгий, но только с первого взгляда, приталенный пиджачок из какого-то бархатистого материала (осень на носу, хоть и тепло пока, а простуда не дремлет) был скроен с обманчивой простотой, стоившей больших денег. Что особенно приятно, на спине не было вытачек, которые хорошо знакомы всем женщинам – от подмышек полукругом. Эти вытачки мне изрядно портили жизнь, превращая со спины мою фигурку в какого-то спортсмена со слишком широкими плечами. Глубокий вырез доходил почти до талии. Пиджачок застегивался спереди на одну большую пуговицу, стилизованную под средневековую пряжку из золота с изумрудом, и облегал тело, как перчатка, скрывая все, что не хочешь показать людям и производя обманчивое впечатление скромности. Обманчивое – за счет юбки.

Юбка тоже была в своем роде произведением искусства. Широкий пояс из атласной ленты – и расклешенные складки в неслыханном количестве, которые заканчивались у середины бедра. Вздумай я крутануться на месте – и юбка сделает «солнышко», явив миру мою пятую точку.

Так что пришлось озаботиться и приличным бельем с колготками. Мало ли что.

И пиджак, и юбка были украшены едва заметным узором в виде еловых веточек. Такое то ли тиснение, то ли рисунок на ткани – я так и не разобралась. Портной из меня – от слова «пороть». Под костюм полагалась блузка золотисто-оранжевого цвета. Строгая. С отложным воротничком. В таких раньше школьники ходили. То есть такого фасона. Но цвет... и ткань – полупрозрачная, через которую виднелось все, что хотели увидеть.

А, ладно. Главное не прийти в таком виде на экзамен. А то препода кондратий хватит. А медведиц? К этим можно. Выживут. Оборотни – они хорошо регенерируют.

Зеленые замшевые туфли (хоть бы дождя не было), такая же сумочка, малахитовый гарнитур в виде листьев в золотой оправе, немного косметики на лицо, пару заколок на волосы – и я готова. Осталось дожидаться оборотней. Либо позвонят на сотовый, либо в квартиру поднимутся.

Звонок в дверь оборвал мое общение с зеркалом. И я поскакала открывать, по дороге запихивая в сумочку запасные колготки. Вот не знаю, у кого как, а у меня вечно то петля спустит, то пятно появится в самый ненужный момент. Приходится либо снимать, либо кружить по району в поиске киоска с нужной вещью. Короче – пусть будет запас. Не та уже погода, чтобы с голой попой бегать.

Я распахнула дверь – и даже отступила на шаг. Славик?! Братишка! Вот так встреча. А мы не ждали вас... А вы приперлися...

Братика я не видела больше месяца. С момента гибели его обожаемой пади. И не жалела. Валентин рассказал мне, что Славик весь в депрессии, страдает, рыдает и периодически пытается отравиться диким количеством алкоголя. Почему не выпить? А оборотням это вообще не удастся. Метаболизм бешеный. И алкоголь расщепляется намного быстрее. Поэтому требуется вводить его в организм в дикой концентрации. Если человеку нужен литр водки – то оборотню не меньше восьми – десяти литров. А в таком количестве тело воспринимает алкоголь как яд. И реагирует соответственно – тошнотой и поносом. Неромантично. Одним словом, с пьянками у брата ничего не вышло. Славик попытался загулять. Но тут уже на высоте оказался Мечислав. Он приставил к Славiku вампиршу по имени Лена. И та за неделю вымотала братика до состояния нестояния.

Бежать Славка и не пытался. Некуда.

Самоубиться?

Жить ему хотелось больше, чем страдать. В итоге к концу третьей недели Славка попал на прочистку мозгов к Мечиславу – и был приставлен к делу. Оказалось, что братик неплохо водит машину. И даже подрабатывал одно время водителем такси. Мечислав тут же приставил его развозить по домам посетителей клуба.

Да, вампир ввел и такую услугу. После дискотек по средам, пятницам, субботам и воскресеньям людей развозили домой.

Дело в том, что на дискотеки ходят в основном либо студенты, которым на такси решительно не хватает, либо те, кто желает и поплясать, и выпить, но как потом за руль?

Вампир нашел выход из положения. Для состоятельных клиентов предоставлялись машины типа такси. Для некоторых – даже за счет клуба. Для студентов же и тех, кто не хотел тратиться – раз в час от клуба уходил автобус. Хочешь – оставайся еще на час. Хочешь – грузись в нужное время и скажи водителю, где тебя высадить. Остановка по требованию. К подъезду, конечно, не доведут, но постараются высадить поближе к дому.

Славка получил официальную работу, зарплату водителя, трудовую книжку и даже отчисления в пенсионный фонд. Тоскливо? Сейчас пойдешь развлекать вампиров. Хочешь самоубиться? Без вопросов. Их же (вампиров) еще и кормить надо. Так что изволь помирать с пользой. Смерть от кровопотери ничуть не хуже всего остального. Но этого Славка не хотел. Претензии? К Мечиславу. Можно и к Валентину, но разница в принципе будет невелика. Что от одного получишь по ушам, что от другого.

Поэтому я справедливо предполагала, что Славик попытается все высказать мне. А кому еще? Не к деду же соваться. А я – готовый кандидат в главные виновники.

Но начинать ссору первой не хотелось.

– Привет, – сказала я.

– Привет. Хорошо выглядишь.

– Знаю. А ты – нет.

Славка действительно выглядел не очень. Слегка небритый, сильно помятый и явно «после вчерашнего». И что он здесь делает?

Это я и озвучила. Братец скривился.

– Мечислав решил, что к медведицам надо отправлять нас обоих. И меня и тебя. Х... его знает зачем.

Я покривилась. Не люблю мата.

– А меня нельзя было предупредить?

– Можно. Если решаешь это не в последний момент, – огрызнулся Славка. – И вообще, чего ты на меня наезжаешь? Со своим хахалем сначала разберись!

– С ним я и без тебя разберусь, – отбрила я. – Ладно. Пошли вниз, братик...

- Лысогорский вампир тебе братик, – не остался в долгу Славик.
- Вампир мне, согласно твоим же словам – любовник, – спокойно уточнила я. – С братом это уже инцест. А я таким не грешу.
- Еще бы. У тебя и так грехов хватает.
- Ты мне духовником заделался?
- Нужна ты мне...
- Сказано было с интонацией «а не пошла бы ты, родная...». Славка явно нарывался на скандал. Что ж, желание клиента – закон. Только не на лестнице.
- Я отступила на шаг.
- Либо зайди – либо идем. Нас люди ждут.
- Заходить Славка не стал. Тогда я вышла из квартиры и принялась возиться с ключами.
- Люди... твари!
- Сам такой.
- Благодаря тебе!
- А чего ты ко мне приперся? Ехал бы на Аляску со своей пади, глядишь, я бы на твою могилку сейчас цветочки посылала.
- Клару не тронь! Она меня все-таки любила...
- Только что не прибила.
- Ключи отправились в сумку. Я подергала дверь и направилась вниз по лестнице.
- Это ты ее...
- Я пожала плечами.
- Славочка, если ты еще не понял – твоя подруга тебя использовала. Нагло и цинично. Ей надо было пролезть к нам без проверки, подставить нас, да еще и нашпионить. Она понимала, что ей могут оторвать голову. Вот и оторвали. Ясно?
- Славка догнал меня на повороте и, заглядывая в глаза, проникновенным тоном спросил:
- Юля, а тебя совесть не мучает?
- Если бы братец меня не подхватил под руку, я бы вписалась носом в стену. От изумления. Но устояла. И решила потратить еще пару минут.
- Что-что меня должно мучить? Еще раз повтори?
- Совесть. Когда из-за тебя погибают люди...
- Я фыркнула.
- Славик, ты хоть из дома и сбежал...
- Ушел...
- Да хоть уполз. Плевать. Дед тебе рассказывал, как он партизанил?
- Да.
- А про угрызения совести говорил? Нет? Вот то-то же. И меня никакие глупости на эту тему не мучают. Кто к нам с мечом того, тот от него и туда. Ясно?
- И я вырвалась из подъезда на свежий воздух.
- У здорового джипа нас ждали мои старые знакомые. Глеб и Константин. Глеб, увидев меня, только присвистнул.
- Кудряшка, класс! Медведицы лягут.
- Я послала ему воздушный поцелуй – и продолжила шипение.
- Глеб, хоть ты мне разъясни, – чья умная голова придумала послать это – к медведям?!
- Мечислав решил вчера под утро. Но тебе звонить не стал. Просто направил нас привести твоего родственника в состояние стояния и на всякий пожарный захватить с собой. И очень просил проверить, чтобы ты выглядела прилично.
- Сейчас схожу – и нарочно надену полный костюм сварщика, – окрысилась я. – Или асфальтоукладчицы. Загружайтесь! Едем!

Славку запихнули на переднее сиденье. Меня с Глебом на заднее. Константин остался за рулем. Общаться желания не было. Но это – у меня. Братца не спросили. Он сам за себя все решил.

– Наслаждаешься жизнью, сестренка?

Последнее слово он аж прошипел. Но оправдываться?! Было бы перед кем!

– Наслаждаюсь. Сейчас мне предстоит особенно сильное удовольствие. Ты хоть представляешь, что такое медведицы?! Нет? Вот и молчи, пока есть чем.

Глеб несильно взял братца сзади за загривок.

– Юля сказала – молчать и слушаться – вот и будешь. А если вякнешь – пасть порву. Понял?

Славка что-то ответил, но я уже отключилась. Медведи. Это вам не мишки Гамми. Славка просто не представлял, с чем мы будем связываться. А вот я – хорошо. Медведь, чтоб вы знали – это самое коварное животное. И не надо обманываться мехом и вроде бы безобидным видом маленького медвежонка. При 1–1,25 м в высоту в холке медведь достигает 2–2,2 м в длину, причем 8 см приходится на короткий хвост. А остальное – туловище. Накачанное такое... Вес колеблется между 150–250 кг; впрочем, у больших и тучных он достигает 350 кг. Милая зверушка? А учитывая, что животное-оборотень оказывается иногда в полтора-два раза крупнее своих «диких» собратьев? Здорово, правда? Даже бить не надо. Сядет – и расплющит. И внешняя неуклюжесть медведя – это тоже только маска. Мишка по жизни иноходец, то есть бегаёт особым образом. При ходьбе и беге становится одновременно то на обе правые, то на обе левые лапы, поэтому все время тяжело переваливается из стороны в сторону, но человека догонит без напряжения. В гору бежит еще быстрее, чем на ровном месте, чему способствует длина его задних ног. Кроме того, он отлично плавает и потрясающе лазает по всем вертикальным поверхностям, огромная сила и крепкие когти облегчают медведю лазанье: он может влезть даже на очень крутые склоны скал. Все пять чувств у медведей очень хорошо развиты. Лучше чем у их диких собратьев. А еще – это самое непредсказуемое животное. Медведь никогда, вот Ни-Ког-Да не будет предан, как собака. И не угадаешь, в какой момент он решит оторвать тебе голову. И медведицы в этом отношении ничем не отстают от своих мужчин. А как дело обстоит с коварством у меня?

Да никак! Я и коварство? Политик и порядочность! Волк и травоядность! Примерно такое же сочетание. Лоханусь я на переговорах, стопроцентно. Поэтому столько внимания внешности и уделила – хоть не все позиции проиграть. Но выбора не было. Стая медведей в нашем городе не слишком большая – восемнадцать медведиц и столько же медведей. Тридцать шесть человек. Это мало? Но любой медведь-оборотень способен справиться с десятком оборотней другого вида. И даже не особо запыхаться. Так-то. У меня только одно преимущество. Я могу дать им детей. Медведи-самцы особенно не чадолюбивы. А вот самки...

Мечислав четко обрисовал, что он хочет. Абсолютную лояльность к нему и поддержку в критических ситуациях. За это они получают либо мою помощь, либо, когда приедет Питер, все-таки амулеты. Но и медведи не дураки. И будут стараться отделаться малой кровью. Зачем им нужно лезть в наши дразги? Да сто лет им вампиры не сдались! Ни одного Призывающего медведей еще не было. И боюсь, что не будет. И вампиры им не командиры. Если кто-то и пытался – не осталось ни храбреца, ни хроник... И будут они предлагать просто хорошие отношения. А мне с тех отношений – ни жарко, ни холодно...

Именно мне. Но и иметь рядом с собой этакую гвардию... с которой не знаешь, то ли поддержит, то ли порвет...

Не было у бабы забот, купила баба медведя... То есть пошла покупать...

За грустными мыслями я и не заметила, как мы подъехали... к спорткомплексу «Трудовик». Да, это и есть штаб-квартира местных медведей. Летом – футбол, зимой – хоккей, круглый год греко-римская борьба, карате, дзюдо...

Есть у медведей обоего пола такой пунктик насчет силы. Не просто здорового образа жизни, а именно силы. Физической.

Я выпрыгнула из машины.

– Я жду здесь. Костя и Славка – с тобой, – проинформировал Глеб.

Я кивнула. Логично. Один – мой брат, второй – отец детей.

– Костя, предложишь мне руку?

– Нет. Я же телохранитель, а не жиголо.

– Гад ты, а не телохранитель, – огрызнулась я. – Дружеской поддержки лишают!

– Юль... – смутился оборотень.

Я почувствовала себя чуть увереннее. И шагнула вперед.

Шагать пришлось недалеко. Пять шагов от стоянки до входа. А двери разошлись автоматически. И я шагнула внутрь. Костя и Славка следовали за мной – отставая на один шаг.

– Вы к кому? – ринулась грудью на амбразуру охранница.

– К Марии Петровне, – проинформировала я.

– Пропусти...

Низкий густой голос растекся по помещению, словно жидкий мед. Я дернулась. Из-за будки, в которой сидела охранница, медленно появилась... ОНА.

Других слов не было. Рост – под два метра. Вес – килограмм под сто двадцать. И это – не жир. Это все были тренированные мышцы, мягко перекачивающиеся под кожей при малейшем движении. И при этом – никаких подчеркнута мужских черт. Это не солдат Джейн. Это – женщина. Мышцы не скрывали идеальных пропорций – длинные стройные ноги, широкие бедра, тонкая талия, высокая гордая шея, красиво посаженная голова... Мощной грудью можно было тормозить коня на скаку. Всадника и тормозить бы не стоило. Сам грохнется от одного взгляда. Такие в древности мне и представлялись – настоящие амазонки. Рядом с этой дамой все мы трое казались какими-то... хлипковатыми.

И в то же время... Как женщина, я могла оценить ее. И ставила двадцатку. По десятибалльной шкале. Если бы она решила сняться для журнала – олигархи к ней бы в очередь становились. Никакой аристократической узкокости. Никакой модельной пересушенности. Настоящая Русская Женщина.

А в дополнение к роскошной внешности имелась еще вполне отчетливая яркая аура – малиновый, сиреневый, голубой, желтый, – и на ней проступал рисунок из серебряных пятен...

Я подавила в себе желание немедленно удалиться в угол и завистливо порыдать – и широко улыбнулась медведице.

– Добрый день. Я – Юлия Евгеньевна Леоверенская.

И все. Этого довольно. Я ведь уже проигрываю.

– Вас ждут, – медведица коротко улыбнулась. – Я провожу. А ваши сопровождающие?

– Будут меня сопровождать.

Вот сейчас я и пожалела, что вчера читала про Досю, а не про этих... медведиц. Но с другой стороны – их – восемнадцать. Все перепутается, нужную информацию как следует не запомнишь, а со шпаргалок не спишешь. Это не экзамен. В жизни оценки обычно проставляются кровью.

Я улыбнулась и пошла за медведицей. Какой же я казалась мелкой и незначительной рядом с ней. Ну и что? Мангусты тоже мелкие, но Рикки-Тикки-Тави – это круто! А вирус и вообще не разглядишь, зато уничтожает людей он на раз.

Медведица остановилась перед какой-то дверью и постучала. И изнутри откликнулся такой же роскошный голос:

– Войдите.

И дверь распахнулась.

Ну что тут скажешь? У медведиц есть вкус. Есть деньги. И есть желание выстроить сцену так, чтобы оппонент чувствовал себя пришибленным еще до начала игры. В огромном кабинете можно было без труда играть в футбол. И хватило бы места для команды болельщиков. Так обычно показывают кабинеты миллионеров в американских фильмах. Большое пространство и минимум мебели. Высокий застекленный потолок, огромное окно-стена. Рядом с окном – здоровущий стол. За столом сидит женщина, которую я толком не могу разглядеть. Почему? Да просто против света. Это я у всех на глазах, а их лица как раз в тени. Диваны полукругом, на которых вольготно расселись и разлеглись шесть женщин. У одной стены здоровущий аквариум, в котором плавает что-то явно не декоративное – не бывает декоративных рыбок размером с мою руку. И три свободных кресла – явно оставлены для вновь пришедших. Хотя кресла – это громко сказано. Скорее стулья. Даже на вид – жесткие и неудобные. И удобно расположиться на них не сможет даже закоренелый мазохист. Ну и что мне останется? Буду я сидеть, как школьница, на глазах у медведиц, которые расположились со всем удобством? И чувствовать себя мелкой и незначительной.

Буду?

Щазззз!

Облезнете хором!!!

Я еще раз внимательно оглядела зал. Ни одного свободного места. Это вам не поп. Медведицы ошибок не делают.

Ну и ладно. Попробуем сесть на стуле, но по-другому. Не как в школе, а верхом. Все непринужденнее получится.

Я решительно шагнула к креслу. Мягкий ковер ласкал ноги. Даже жаль по такому в туфлях ходить...

Я скинула туфли, попробовала ногой ворс ковра и улыбнулась.

– Костик, отнеси табуретку к стеночке. С вашего позволения я расположусь прямо так, а то после вашего стула у меня мягкое место плоским станет.

И я нагло уселась по-турецки на ковер прямо перед медвежьим столом.

Теперь мы оказались в одинаково неудобном положении. Главная медведица просто не видела меня через стол. Я тоже ее не видела, но мне уже было пофиг – что так неудобно, что этак. Остальные медведицы могли лицезреть мой затылок. Костик оттащил стулья, чуть толкнул Славку, чтобы тот не тормозил, – и замер у двери, как почетный караул у Мавзолея. Славка последовал его примеру. И правильно. Помощи от них так и так не будет, а психологически все верно.

– Я полагаю, что вы меня уже знаете, – я обращалась к ножке стола, не особенно-то и повышая голос. – Я тоже о вас наслышана. Вы и есть Мария Ивановна?

Медведица обошла вокруг стола и встала прямо передо мной.

– Да. Скажите, вы всегда себя ведете так непринужденно?

– Обычно я веду себя намного хуже, – призналась я. – И это – обоснованно. Может, перейдем куда поудобнее – и начнем нашу встречу еще раз?

Медведица покачала головой.

– Предлагаю просто уравнивать шансы.

И она опустилась рядом со мной на ковер. Я завистливо вздохнула. Красивая. Высокая, статная, немногим меньше той девушки, которая проводила нас сюда. Роскошная темная коса падает через плечо и стелется кончиком по полу. Ярко-синие глаза сияют. Если бы они не были такими усталыми и задумчивыми, она сошла бы за мою ровесницу. И не надо мне говорить за пластику. Я знаю, что в наше время можно до девяноста косить под девочку. Только это – не тот случай. Вот чем хотите поклянусь – к ней еще ни один скальпель не прикасался. И не прикоснется. Но движения, как у молодой девушки, но розовая молодая кожа со здоровым румянцем и полное отсутствие морщин...

А ей точно за сорок. И глубоко за сорок. Я так ощущаю... Питер успел научить меня самым основам – чувствовать животное. Не говорить, не понимать, а просто – чувствовать. Ему больно – и мне. Ему грустно – и мне... И я понимала, что ее зверю не меньше тридцати лет. Десятилетних детей у нас обычно не обращают. Вот и считайте.

– Вы – красивая, – произнесла я. – Завидую. Я такой никогда не буду...

– Почему же. Мы можем тебя инициировать, – ласково, но вроде бы и с угрозой произнесла медведица.

Я не испугалась.

– Можете. Но не сделаете этого.

– Почему же?

– Потому что Мечислав с вас шкуру спустит.

– Прикрываешься вампиром?

– Угрожаете когтями?

Мы переглянулись и фыркнули. Один – один. Я вздохнула.

– У вас больше силы и опыта. Рано или поздно, так или иначе... Я ошибусь, но нам ведь жить в этом городе. Зачем надо ловить меня и давить? Можно просто попробовать поговорить, как два взрослых человека.

– Человека?

– Вы – оборотень. Я – фамилляр. Но когда-то мы были людьми. И в основе своей – люди.

– И это мне говорит женщина, которая выписывает журнал ИПФ?

Я закатила глаза.

– Мне сейчас положено сказать что-нибудь типа: «и это мне говорит женщина, которая чего-то там – того»? Вот честно – не скажу. Я ваши биографии прочитала поленилась. Мечислав мне дал их только вчера. И вчера же сообщил о сегодняшнем саммите. Но у меня все с собой. Хотите – прочитаем вместе и прикинем, кто лучше осведомлен?

Медведица аж задохнулась от такой наглости. Я смотрела на нее спокойными глазами. И что было сил продуцировала одно и то же: «Я не враг. Хочу говорить с тобой». Получалось плохо. Мне бы еще недельку с Питером позаниматься. Так нет ведь... Уехал.

Несколько минут в комнате царила тишина. А потом со стороны одного из диванов раздался хрипловатый смешок.

– А она мне нравится.

– Надеюсь, не как колбаса на прилавке? – не оборачиваясь уточнила я.

– Такой колбасой врага кормить надо.

– Не надо. Я жить хочу, я только жить хочу! – Последнее предложение я пропела, как в «20 лет спустя». И медведицы уловили аналогию. Послышался еще один смешок. Одна за другой они покидали диваны и также располагались на ковре. Я повертела головой. В окружении этих валькирий было неуютно. Но – хороши. Особенно одна – высокая, стройная, с голубыми глазами и толстой косой пшеничного цвета. Увидел бы ее Гитлер – навсегда раздумал бы Россию завоевывать. И начал бы активно клеить эту живую мечту истинного арийца.

Костик бросил на меня вопросительный взгляд, но я покачала головой. Никакого вмешательства. Пока я справляюсь... может быть. А может – и не быть.

– Она не лжет нам, – произнесла блондинка. – Но и всей правды не говорит.

– И вы мне – тоже, – окрысилась я. – Типичная ситуация око за око. Что вам от меня нужно? Сможете сказать прямо?

– Детей, – коротко ответила блондинка.

Я закатила глаза.

– Наконец-то. Извините, не знаю вашего имени...

– Даша.

– Отлично. Даша, скажите, вы каким-то образом оказались в курсе моих способностей – и решили поиметь выгоду для себя?

– Не совсем так, – вздохнула старшая медведица. – Понимаешь, Кудряшка...

– Лучше – Юля.

– Хорошо. Юля, у нас нет возможности иметь детей. Вообще нету. Мы смиряемся. Но если возможность появляется – мы обязаны ей воспользоваться. Мужчинам проще. Хотя они и рискуют.

– Чем? – искренне удивилась я. – Им же не рожать...

Медведицы переглянулись.

– Ты вообще много знаешь про оборотней?

– Вообще – то, что они сами о себе рассказывают. Это много?

– Ну-у, лишнее оружие в руки вампирам мы стараемся не давать. Но это даже не тайна. Ты знаешь, что такое вурдалаки? Волкодлаки?

– Волки, которые не могут управлять своим превращением? Проклятые?

– Да никакие они не проклятые, – отмахнулась Мария. – Это просто дети, рожденные от отца-оборотня.

У меня отвисла челюсть.

– То есть...

– Ну да. Ребенок может либо перекинуться еще в младенчестве – и тогда его можно уничтожить сразу. Пока он еще не успел принести настоящий вред. Либо – только после совершеннолетия. И вот тогда начинаются проблемы. Волкодлак – хотя отец может быть хоть оборотнем-ящерицей, просто это название такое, а ребенок может и не иметь никакого отношения к волкам, хочет только убивать. И убивает. Пока его не остановят.

– Ну и?

– Мы хотим убедиться, что дети, которые родятся у Насти, не будут такими волкодлаками. И если это будут нормальные оборотни – заключим с тобой союз.

– С нами, – «поправила» я.

Медведица не обратила на это никакого внимания.

– Ты нам – детей. Мы тебе – защиту и помощь.

Я захлопала ресницами. Фактически это то, что мне и было нужно. Практически? Где гадость зарыта?! Ага, кажется, догадалась.

– Мне – или мне и Мечиславу? Вы учтите, что я – его фамильяр. Что касается его, то касается и меня. Его интересы – мои интересы. Его дела – мои дела.

– Ты же с этим не любишь соглашаться? – прищурилась Мария.

Блин! Узнаю, кто им сливает информацию – удавлю!

– Моя любовь тут ни при чем, – отрезала я. – Лично мне ваша помощь и защита хоть и приятны, но я могу и обойтись. Йес? А вот будете ли вы поддерживать Мечислава – или нет – это намного интереснее. И важнее.

– Нам не хочется влезать в дразги вампиров, – отрезала Мария, – они никогда не успокоятся. Нам же хочется просто жить. И радоваться жизни.

– Но лучше радоваться ей с детьми на руках, – вкрадчиво заметила я. – А если что – вы ведь все равно в берлоге не отсидитесь. Всех накроет.

– Это угроза? – в голове задающей вопрос медведицы вибрировало рычание. Но я бесстрастно поглядела в ее серые глаза.

– Нет. Это – печальный факт.

– А выглядит как угроза...

– Креститься надо, если что-то кажется, – отрезала я. И поднялась с ковра.

– Дамы, мне кажется, что переговоры зашли в тупик. Предлагаю вариант выхода. Вы ждете до родов. Потом... есть у вас способы проверить младенцев?

А в остальном сегодня я предоставлена самой себе. Я немного поучу хвосты, немного повишусь в Интернете – и лягу спать. И пусть мне не снятся кошмары.

* * *

– Чего ты меня сегодня выдернул? Даже перед первым сентября отоспаться не даешь, жертва стоматолога-садиста! – напустилась я на Мечислава. А что вы хотите? У меня нервы не железные! Вечер, вы балдеете перед компьютером и предвкушаете пару часиков в библиотечке, читая восхитительные рецензии и не менее восхитительные книги – и тут – дзынн!!!

Ваши мечты обламывает телефонный звонок оборотня, который заявляет, что Мечислав сказал привезти вас – и чем скорее, тем лучше. А я только-только решила отписаться очередному маньяку, который заявил, что Карлсон – списан с – ВНИМАНИЕ!!! – Геринга!

Когда я ЭТО прочитала, то чуть со смеху перед компом не скончалась. Карлсон, который живет на крыше, – и Герман Геринг, который один из главных нацистов! Каково? А доводы? У них общая фраза «Я мужчина в самом расцвете сил...», кто бы из мужчин так ни говорил... И они оба летают! Обалдеть! Этого – достаточно для сходства! Что ж, продолжим издеваться над детскими сказками. С кого тогда списан Незнайка? Знайка – это точно копия Циолковского. То-то его в космос тянуло. А Незнайка, наверное, Николая Второго. Учиться-то никто из них не хотел...

Ну ничего. Я только собралась написать автору сообщения, что сейчас все лечится, как меня оторвали от книги. И пришлось впихиваться в выходные джинсы убийственного розового цвета с зайчиками из «Плейбоя» и розовую же майку, приобретенную, чтобы позлить вампира. На ней был изображен Дракула Брэма Стокера с росписью цветочками и написано: «Слава современным стоматологам!!!».

Такая альтернатива готике. Мне понравилось, а вампир каждый раз кривится так, словно я ему напильником клыки стачиваю: «Как ты можешь носить такую пакость?!»

Я не объясняю, что ношу только из принципа. Если бы он хоть раз сказал: «Ты потрясающе выглядишь в этой майке», я бы ее точно не надевала.

Валентин прибыл через десять минут после звонка и загрузил недовольную меня в машину. Я ворчала всю дорогу.

– Что ему в голову стукнуло?

– Не знаю. Мне он не докладывался.

– Чего надо было меня выдергивать?!

– Не знаю. Мне он не докладывался.

– Что ему спокойно в гробу не лежалось?!!

– Не знаю. Мне он не докладывался.

– Ты другие слова знаешь?! – взбеленилась я.

– Не знаю.

– Он тебе не докладывался?

– Ага.

– А по шее?

– Водителя бить нельзя. Впишемся в столб.

– Ничего, я рискну, – проворчала я, прицеливаясь для подзатыльника. Ага, руку только отбила. Гады! Кругом одни гады! Мохнатые! Зубатые! Противные! Кусачие! И некоторые еще и из ИПФ.

Паранойя?

Ах, если бы! Я даже на шизофрению согласна. Заранее. Но вокруг сплошная реальность.

Я влетела в кабинет вампира, как ведьма на помеле, не постучавшись. Увы. За столом никого не было. А ругаться?

Не успела я обдумать, где мне теперь искать этого мерзавца, как меня сзади обхватили сильные руки, а ласковый голос прошептал в ухо:

– Добро пожаловать, Пушистик...

Я рванулась что было сил из его рук. В голове осталась только одна мысль: бежать, пока не поздно! Но вампир не стал меня удерживать. Только чуть придержал, чтобы я не упала навзничь.

Мечислав был потрясающим. Сегодня вампир решил одеться красиво – с его точки зрения. Не спорю, вкус у него безупречный, но вот совпадение его стиля с текущей модой...

Но ему было невероятно хорошо в этой одежде. Ему все к лицу.

Вампир облачился в узкие, полностью облегающие бедра, ноги и вообще все, что ниже пояса, лосины из какого-то бежевого тонкого материала. Замша? Возможно. Или просто такая ткань. Уж очень она хорошо обтягивала, давая понять, что под лосинами нет никакого нижнего белья. Даже стрингов, которые обычно носят стриптизеры.

Видение вампира, танцующего стриптиз, предстало перед моими глазами с такой яркостью, что я вздрогнула и непроизвольно облизнулась.

Вместо рубашки на вампире было что-то вроде туники, едва прикрывающей самое ценное, а при ходьбе туника вольно развевалась, давая всем возможность оценить мускулистые бедра и ягодицы. Широкий кожаный пояс того же кремового оттенка, что и лосины, стягивал тонкую талию вампира. Короткие рукава открывали сильные руки, на которых золотистыми волнами перекачивались мышцы. Глубокий вырез позволял любоваться бледно-золотистой кожей груди. Бледно-зеленый цвет рубашки придавал его глазам оттенок молодой весенней листвы. Черные волосы падали на плечи шикарной волной. Глаза сияли. Губы улыбались. Запах бил в голову и дурманил...

Боже мой!

Я не успела сказать это вслух. Мечислав склонился передо мной в придворном поклоне.

– Моя королева. Моя звезда...

Я смотрела на него, как загнипнотизированная. Так птица смотрит в глаза собирающейся ее сожрать змее.

– Я... – я кое-как пискнула и задохнулась. Аромат меда и экзотических цветов выдавливал из моего разума все мысли...

Мечислав не стал терять время. Он взял мою руку, перевернул и поцеловал, скользя губами и языком по ладони, прослеживая рисунок линий судьбы, чуть касаясь шрамов... Потом приложил мою ладонь к щеке и потерся об нее, как кот...

– Твои пальцы пахнут мятой, Пушистик...

Его кожа была именно такой. Гладкой и бархатистой. Потрясающе мягкой и теплой под моей рукой. И хотелось гладить его, как кота, пройтись пальцами по всему его телу...

Еще немного – и я просто не смогу сопротивляться. Ничему.

В дверь постучали – и этот звук словно содрал с меня липкую паутину. Я взвизгнула – и попыталась пнуть вампира ногой в кроссовке. Мечислав зашипел, но увернулся и отправился открывать дверь. На пороге стоял... Питер?

Да, это был он. Ничуть не изменившийся с момента нашего расставания. Я взвизгнула еще громче – и повисла у него на шее.

С Питером мы познакомились этим летом. Тогда к нам в город как раз нагрянули опасные и хищные гости. Мечислава хотели прибить, а меня приватизировать. А так как мы сопротивлялись изо всех сил, меня решили захватить в плен. Питер был в группе захвата, и с его даром у нас не было бы шансов. Никаких. Питер умел приказывать оборотням-лисам. И они подчинялись, даже если понимали, что это приведет к их смерти. Нас скрутили бы за пять минут, если бы не моя глупость. Я попробовала провернуть с группой захвата то же, что когда-

то зимой с вампирами, державшими в заложниках Вадима и Бориса. И попробовать напустить на них крыс.

Крысы меня проигнорировали. Зато я обнаружила на Питере следы старого проклятия и умудрилась сообщить ему об этом. Вампир поверил сразу. Еще бы. Мы заключили честную сделку. Я сняла с него проклятие. А Питер помог нам отбиться – и дал обещание прибыть к нам, как только получит статус ронина. То есть полностью свободного вампира, у которого хватает сил путешествовать в одиночку.

Мы почти не успели пообщаться, но Питер во многом напоминал мне Даниэля. Без всякой влюбленности. Не думайте, что мои чувства к Даниэлю я перенесла на этого бедолагу. Нет. Даниэль оставался единственным в моей душе. А Питер... По-своему он был так же талантлив. Даниэль был гениальным художником. Не так, как большинство современников, от слова «художник». Гением, под рукой которого оживали холст и краски. Это вам не модернисты... А Питер был и оставался гением в обращении с животными. Был бы он человеком – стал ветеринаром, к которому летели бы через три границы. А будучи вампиром, Питер приобрел возможность воздействия на оборотней. На все их виды. И мы собирались с ним всерьез заняться вопросом беременности оборотней. Сколько можно девчонкам мучиться с выкидышами? Это не дело.

Сзади раздался такой намекающий кашель. Мечислав. А кто бы еще?

Я расцепила руки и подмигнула Питеру. Дескать, не принимай всерьез. Вампир понял все правильно, чмокнул меня в щечку, как престарелую бабушку – и низко поклонился Мечиславу.

– С вашего согласия, я прибыл на вашу территорию, Князь...

– Не злоупотребляй моей добротой, – шутливо предупредил Мечислав. – Целовать моего фамильяра имеют право очень немногие.

– Клянусь – у меня и в мыслях не было ничего дурного, – в глазах Питера плясали веселые искорки.

– И только поэтому я до сих пор тебя не убил.

– Неправда, – встряла я. – Ты его не убил, потому что не хотел испортить свой костюмчик.

Что я – тебя не знаю?

– Малолетняя ехидна, – проворчал вампир. Но если он думал так легко от меня отделаться...

– А то, что ты сейчас со мной провернул – это ведь не гипноз?

– Нет. Ты ему почти не поддаешься. Это было скорее... снять запреты, снять тормоза...

– Ага. То есть вампиры могут воздействовать выборочно на определенные центры в мозгу?

– Примерно так. Но далеко не на все.

– Хм-м... – Знакомый огонек исследователя в глазах Питера и разгорающиеся огоньки любопытства в глазах Мечислава.

– А если так попробовать с оборотнями? Мы сможем?

Питер запустил руку в волосы и взъерошил их – от затылка ко лбу.

– Если я буду направлять, а ты – действовать – можно попробовать.

– Так давай, – загорелась я.

– Минуту! – поправил нас Мечислав. – Прежде чем вы углубитесь в теорию магии, извольте рассказать мне, как прошла встреча с медведями?

Мне что – я рассказала. Вампир внимательно слушал.

– Тебя просто прощупывали, – вынес он вердикт. – Пытались узнать, можно ли что-то получить, не давая ничего взамен вампирам.

– То есть – заключить сделку только со мной? Нельзя, – отмахнулась я. – Ты меня уже приучил считать свои интересы – моими.

– А в какой области лежат эти интересы? – вкрадчиво осведомился вампир.

По спине побежали мурашки, словно кто-то провел перышком вдоль позвоночника.

– Исключительно в деловой. Ладно, за Питера я готова простить тебе даже этот клятый вызов. Пит, нам удастся сегодня поработать?

– Вполне, – пожал плечами вампир. – Только надо уладить одну формальность.

– Какую?

– Твой шеф, – скромно подсказал вампир. – Я прибыл, как ронин – и хочу свободно работать на твоего хозяина.

– Ты что – сдурел? Из одного ярма – в другое?

– Юля, ты просто не понимаешь. Я ронин, но мне надо переждать, пока успокоится мой прежний хозяин. Это – раз. И мне нужно время и место, чтобы освоиться со своими новыми способностями. И с тобой поработать хотелось бы. Вряд ли Мечислав разрешит мне это, если я не буду его подчиненным.

– Правильно понимаешь, – муркнул Мечислав.

– А что – просто в гости нельзя приехать? – возмутилась я.

– Нельзя, – голосом Мечислава можно было бы посыпать блинчики вместо сахара – так же сладко и так же скрипит на зубах. – В гости – это на пару дней. А работать вместе с тобой – совсем другое. Ясно?

– Гад зубастый, – буркнула я.

Мечислав протянул руку, погладить меня по волосам, но я так сверкнула глазами, что он тут же сделал вид, что ничего не было, и вместо этого взял со стола какие-то бумаги.

Питер развернулся к Мечиславу – и опустился на одно колено.

– Я, Питер, вампир в статусе ронина, прибыл на территорию протектора и креатора Мечислава. Его власть – моя власть. Его воля – моя воля. Его кровь – моя кровь. Господин, вы согласны принять по доброй воле мое служение?

Мечислав несколько секунд смотрел на него. Я не вмешивалась. Еще сделает все назло...

– Я, Мечислав, протектор и креатор, принимаю тебя, ронин Питер, под свою защиту. Моя воля – твоя воля. Мое слово – твое слово. Моя кровь – твоя кровь.

В пальцах вампира сверкнул кинжал. Питер взял его – и слегка надрезал себе вену. Мечислав сделал то же самое – и соединил надрезы.

– Да будет по моему слову.

Я сползала в транс. И видела, как на ауре Питера там, где соединялись их руки, появилась замысловатая вязь – что-то вроде красного браслета, широкой полосой обхватывающего руку. На руке Мечислава – тоже, но если у Мечислава оно быстро уходило и впитывалось в ауру, то у Питера – сжималось, расширялось, пульсировало, как живое существо. И смотреть на это было неприятно.

– Можно потрогать?

– Что? Можно...

Я осторожно вытянула вперед руку – и соприкоснулась своей аурой с аурой Мечислава. И ощутила, как между нами проскочила искра. Теперь я *знала* – что и как сделал вампир. Это была привязка на крови – слабейшего к сильнейшему. И Мечислав мог распоряжаться Питером. Его силой, его жизнью и смертью, вообще мог приказать ему прыгнуть вниз с ближайшей высотки. Клятва заставила бы вампира сделать это... Экзотический вариант самоубийства.

А я ведь повязана чем-то сродни этому браслету...

Печати... они так называются – почему?

Черт, почему я не могу увидеть свою ауру?! А у Мечислава ничего не разберешь. То есть разобрать я могу. И вижу цвета, рисунки, что-то вроде печатей, но что? И как на это воздействовать? Не могу понять...

Пока, – шепнула в глубине души женщина со звериными глазами. – Пока ты еще слаба. Но ты вырастешь. И найдешь способ порвать поводок...

– А если так?

– Нет. Ты не должна так напрягаться. Вообще. Позволь ощущениям течь через тебя – и выделяй только самое важное...

– Ничего не получается!

– Я сильно продуцирую любопытство... ты должна была уже заметить и просто так. Давай еще раз! У тебя обязательно получится!

– Давай!

Все ясно. Эти двое по уши в своих способностях. Питер восстанавливает старое. Юля осваивает новое. Ее сила чем-то сродни его – поэтому они и нашли общий язык. А вот он...

Вампир вздохнул (скорее по привычке, чем действительно нуждаясь в воздухе) – и направился к лестнице. Надо переодеться. Скоро придет продюсер, да еще и звездюльку с собой прихватит. И придется вести переговоры.

Мечислав, конечно, лгал. Ему абсолютно не нужна была Юлина компания, чтобы справиться с какой-то Досей. Отшить навязчивую девицу? Так чтобы она приблизиться боялась? И сделать это вежливо?

Да запросто! Это пятнадцатилетним юнцам сложно решать подобные проблемы. На семисотом году жизни (плюс – минус десяток лет имеет значение только до третьего столетия) с подобным справляешься без особого труда. Вопрос в другом.

Мечислав никак не мог разобраться, что происходит между ним и его фамильяром. Ну не укладывалась Юля в его стандарты. То, что она оцетинивалась каждый раз, когда он к ней приближался, было естественно. Лет десять, не меньше, ей потребуется, чтобы привыкнуть к новому положению. И научиться получать удовольствие от своей власти. И от него тоже. Почему бы и нет?

Силой он ведь никого не заставляет! Что за дурацкое ханжество?! Почему мужчина и женщина, которые нравятся друг другу, не могут оказаться в одной постели? И оказываться там, сколько захотят? Получать удовольствие, доставлять его друг другу... а если вспомнить ощущения, которые вампир испытывает, получая силу от своего фамильяра – в постели между ними будет просто фейерверк.

Так нет же! Стоит ему приблизиться – и Юля оцетинивается не хуже дикобраза. Но почему? Видит бог, ничего страшного он ей не предлагает!

Почему бы не согласиться? Какие преграды возникают в ее разуме?

Вот только не надо говорить про вечную любовь! Мертвые умерли. Живым – живое. И Юля не может этого не понимать. Но признавать упрямо отказывается!

А ее сопротивление!

Мечислав просто **не понимал** происходящего! Оно не вписывалось в логичные и осознанные картины мира. На его пути встречалось много женщин. Красивых – и не очень, добродетельных и распутных, страстных – и считавших себя холодными (во всяком случае, до встречи с вампиром). Как известно, не бывает фригидных женщин, бывают неумелые и эгоистичные мужчины, которые не способны найти то, что нравится партнерше. Себя Мечислав к таким не относил. И знал – многие женщины страдали из-за его ухода, но когда боль утихала, каждая начинала бережно хранить в сердце воспоминания о времени, проведенном рядом с ним. Потому что он старался быть... таким, каким нужно. Идеальной мужчиной для каждой соблазненной им женщины. Пусть на пять минут – но пусть эти пять минут станут фейерверком в ее жизни!

И этот подход никогда не давал осечек. Рано или поздно, так или иначе – все женщины, на которых он обращал свое внимание, приходили в его объятия.

Но Юля!

Это отторжение близости с ним – даже душевной (вампир был уже согласен и на платоническую любовь и даже на дружбу) было совершенно непонятным.

Не упрямство – «раз ты хочешь – так обломись и облезни. Все равно я тебе ничего не дам!» *Вовсе не упрямство. Это легко было бы распознать.*

И не обида – «не хочу быть одной из миллиона!» *С этим Мечислав тоже сталкивался. И выглядело это по-другому.*

Безразличие? Но их тянет друг к другу. И это видно всем. Даже последним пади.

Трагическая любовь? Ну уж это и вовсе глупости. Юля в принципе не способна так долго страдать. Рано или поздно, даже скорее рано, она преодолеет любую боль. Воспитание такое. Мертвым – мертвое. Живым – живое. И жизнь властно требует своего. Но любая попытка сблизиться тут же наталкивается на незримую стену.

Но что может ее преодолеть?

Власть? Деньги? Секс?

Мечислав знал, что названные предметы являются крайне возбуждающими для многих женщин. И вместе, и по отдельности. Но Юле все это предложено на блюдечке с золотой каемочкой! И предлагается! И раз за разом отвергается, чуть ли не с брезгливостью. Так что же ей нужно?

Любовь? – шепнуло что-то странное в глубине души.

Мечислав досадливо поморщился. Любовь? Если они будут вместе – Юля будет его идеалом. Точнее – он сам постарается стать для нее идеальным мужчиной. Что еще нужно? Разве это – не любовь? Это даже больше той глупости, о которой пишут поэты!

Нет, дело тут совсем в другом... знать бы, что это за стоп-кран, который каждый раз отдергивает Юлю прочь от него! Знать бы!

Поговорку «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи» вампир на себя не примерял. И Юля представлялась ему еще одной головоломкой. Чуть более сложной – ну так что же в том плохого? Просто ее придется разгадывать... медленно... и со вкусом...

– Господин...

Знакомый голос оторвал вампира от размышлений. Мечислав развернулся к говорившему.

– Да, Володя?

– Кирилл Петрович Красненский и Дося Блестящая будут у вас через час.

– Замечательно.

На миг Мечислав задумался – приказать принести какую-нибудь одежду для Юли? Но потом передумал. Она сама явилась в этих жутких штанах и майке! Хотя он сто раз просил ее приходить в человеческом виде! Вот пусть теперь сама и испытывает за это неловкость!

* * *

Час мы с Питером провели... в кайф! Я другого слова и подобрать не могу!

Вампир пробовал то одну, то другую эмоцию, я читала его ауру, сообщала, что в ней меняется – и пыталась показать ему свою. У меня получалось лучше. И видеть – и даже ощущать руками. Если проводить пальцами по границе ауры, можно различить многое. А можно и воздействовать на человека. Что-то серьезное у меня пока получалось плохо, но простейшее – вызвать страх, радость, злость, агрессию... короче, управляемая эмпатия – вполне прилично. А вот Питер буксовал, как «мерседес» на проселочных дорогах. То, что у меня вышло мгновенно, у него получалось очень плохо – и только при личном контакте сознаний. Если я была направляющей. Если Питер пытался поглядеть «вторым зрением» как я это называла или «ментальным взором» согласно названию вампира, сразу начинались неполадки. Но мы существа упорные. И все равно это преодолеем. А чуть разгребем с Альфонсо и прочими – и попросим Надю или Таню, а то и обеих сразу – участвовать в наших экспериментах. Возможно, нам удастся создать амулеты, положительно влияющие на беременность оборотней.

Хотя почему – возможно? Удастся! Я умею это делать, а у Питера достаточно знаний, чтобы разобраться в происходящем и попробовать сляпать что-нибудь вроде амулета. А силу возьмем у меня. На хорошее дело не жалко. Не все ж вампира снабжать?

А еще у меня получалось – только совсем чуть-чуть – нащупывать ниточки, которые воздействовали на организм. Вызывали голод или жажду, боль или удовольствие... совсем чуть-чуть, но это же начало. Вот мы немного попрактикуемся...

А потом в кабинет заявился Мечислав.

Ради разнообразия он переделался в простые голубые джинсы и белую рубашку с длинными рукавами. Хотя «простые» – это не то слово. Джинсы сидели на нем так, что становилось понятно – это шилось на заказ и с тщательной подгонкой по фигуре. А рубашка явно была из безумно дорогой ткани. С первого взгляда это не бросалось в глаза. Джинсы и рубашка у него, джинсы и майка у меня. Но если поставить нас рядом и взглядеться – становилась ясна разница. Огромная. Как между лодочкой у городской пристани и океанской яхтой.

Ну и пусть! По одежке нас лишь встречают, но провожают по уму.

– Юля, ты мне обещала присутствовать.

– А что – певуны приехали?

Современную эстраду я не люблю. И тут уж ничего не поделаешь!

– Приехали. Так что с Питом ты пообщаешься завтра. Всего хорошего.

– Юля, поработаем завтра?

– Куда ж деваться.

– Свободен, – резко тряхнул головой Мечислав.

Питер послушно поднялся, попрощался вежливыми поклонами – и вымелся из кабинета.

Я удобнее устроилась на диване.

– Не возражаешь?

– Ничуть. Мы с Кириллом Петровичем поговорим, а вы с Досей займете друг друга. Договорились?

Я поглядела на вампира с явным сомнением. Я же читала ее досье. Вот что у нас с ней общего? Женский род? Но сказать ничего не успела. Дверь распахнулась.

Кирилл Петрович был явным «хозяином жизни». Настолько явным, что я просто забеспокоилась. Если человек так выставляет напоказ это качество, он вовсе не глуп. Скорее ему выгодно, чтобы его считали глупым. Невысокий, плотный, круглое лицо, редкие светлые волосы с залысинами и проплешинами, короче – почти состарившийся Карлсон. Этому впечатлению противоречил безумно дорогой светлый костюм (уж настолько-то я стала разбираться в вещах, потолкавшись рядом с вампиром) и розовая рубашка, стоившая явно больше годовой зарплаты налогового инспектора. А на толстенную золотую цепь с брюликами можно было спокойно сажать ротвейлера. Карлсон-миллионер?

Ой нет. Если человек так резко выпячивает свою простоту, наверняка он намного умнее, чем показывает.

Дося... ну что тут скажешь? Мы не понравились друг другу – сразу. Она взглянула на меня, как на таракана, я на нее – как на блоху – и взаимонепонимание было достигнуто. Суперзвезда оказалась высокой (на голову выше меня) блондинкой из «особо опасных» – то есть крашенных пергидролом. Как гласил мой личный опыт, чем пергидрольнее блондинка, тем она стервознее. И Дося оправдала мои ожидания. Мечислав вежливо пожал руку продюсеру и пригласил его к столу, а нам кивнул на диван.

– Кирилл Петрович, очень приятно. Дося, вы как всегда очаровательны. Это – моя подруга, Юлия Евгеньевна. Полагаю, девочкам пока есть о чем пообщаться. А мы поговорим о деле.

Продюсеру это явно не понравилось – в ауре полыхнули желтые огни приятного оттенка «детской неожиданности», но скрыть было нечем. Видимо, он привык, что люди, имеющие с

ним дело, охотно пользуются предоставленной возможностью, а он с помощью Доси получает определенные выгоды.

Не в этот раз. Соблазнить вампира такой Досей было просто нереально. За его семьсот лет он и получше видел.

Мы с Досей прошли к дивану и уселись. Я – с удобством, скинув кроссовки и подтянув под себя ноги. Она – так, словно позировала для модного журнала. Разговор как-то не заладился с первой же минуты.

– Какая у вас интересная майка...

Произнесено это было так, что я мигом вспомнила ее цену. Триста рублей. И окинула взглядом Досин костюмчик. М-да. Очень неплохо. Хотя мне Мечислав и получше навязал. Но – красиво. Красный насыщенный цвет, узкий пиджачок. Под которым, по-моему, ничего нет, потому что в глубоком, открывающем даже ложбинку на груди вырезе не видно и нижнего белья. Юбка тоже узкая и очень короткая. Из породы «пояс не очень широкий». Несколько золотых цепочек с крестиком и образками, золотой браслет с псевдохристианскими медальончиками, куча колец и сережек...

– Вы тоже неплохо одеты. Хотя золота могло бы быть и поменьше. Напоминаете ювелирную выставку.

– Глупости, – Дося коснулась пальцами цепочек. – Я никогда с ними не расстаюсь. Это освященные медальоны. Вот этот я купила в Тихвинской обители. Этот – во Владимирской³...

Она перечислила еще пару монастырей, заставив меня резко загрустить. Вспомнилось ИПФ. Вот бы ее куда. С ее любовью к Богу. Смешно, что самые истые верующие получают из раскаявшихся грешников. Или пока не раскаявшихся.

– Тогда вам понравится у нас в городе. У нас буквально в десяти километрах от города есть святой источник – Шадринский. Съездите, искупаетесь...

– Я буду слишком занята! Эти концерты отнимают так много сил...

Я мысленно восхитилась и постаралась запомнить интонацию. Именно так «Барби» и надо жаловаться на жизнь. Но не удержалась.

– А вы разве не под фанеру поете?

– Вы, милочка, совершенно не разбираетесь в шоу-бизнесе, – высокомерно припечатала меня Дося.

Я пожалала плечами. Зря я это. Ссориться не хотелось, разговаривать тоже. Может, удастся все свести к светскому разговору? Как погода? Прекрасно. А как природа? Еще лучше...

– Спорить сложно. Я предпочитаю науку.

За правду я удостоилась взгляда, которым люди смотрят на безнадежно больных. «Науку? Фи... от этого морщины появляются... да и кому она вообще нужна?..»

– И какую же?

– Биологию.

– А что вы тогда здесь делаете? Сидите в лаборатории и изучайте своих червей. Или кого там...

А вот проезжаться по моей работе не надо...

– Простейших. А также глистов и гнид. Здесь такое поле для работы, столько образцов...

– На себе разводишь?

Дося отбросила всякую вежливость.

– Нет. Обычно они к нам приезжают по делам бизнеса.

– Котик! – взвизгнула блондинка, вскакивая с дивана и бросаясь к продюсеру. – Эта девка меня оскорбила! Она меня обозвала глистой! И гнидой!

³ Названия обителей вымышлены автором. Обители действительно существуют и там действительно всем этим торгуют, но реальных названий автор не дает.

Я аж глазами захлопала. Вроде бы я только собиралась... Но Мечислав не растерялся.
– Юля, как тебе не стыдно мучить людей своей биологией. Дося, я полагаю, что Юля вам просто хотела рассказать о своей учебе. Она ведь биолог.

– Да, – кивнула я, – я предпочитаю зарабатывать деньги мозгами, а не половыми органамими.

– Разумеется, к присутствующим здесь это не относится, – вставил вампир. – Юля, проводи Досю к Вадиму, попроси, чтобы он показал ей место выступления.

Мечислав вышел из-за стола, чуть приобнял меня и демонстративно, под недовольным взглядом Доси, чмокнул в щечку.

– Спихнешь – возвращайся, – шепот был таким тихим, что его услышала только я.

– Будешь должен.

– Натурой отдам.

– Крупами и трупами не беру, мне за державу обидно.

Мечислав рассмеялся, словно я шепнула ему что-то очень личное – и у меня по спине побежали мурашки. М-да. Что-то часто они там бегают. Пора соревнования проводить и номера присваивать!

– Да, дорогой, – громко и вслух ответила я. И цапнула Досю за руку, точно попав в нервный узел. Ага, я умная. Меня не зря учили.

Зато Дося теперь пару минут помолчит. Больно так, что дыхание перехватывает.

И за эти две минуты я успела очаровательно улыбнуться продюсеру.

– Девочки налево, мальчики – к контракту.

И вытащить Досю за дверь. Вадим обнаружился сразу за дверью. Шагах в трех от кабинета.

Подслушивал, гад?!

Ну получи и наказание. Кара Досей. С особым цинизмом. Я развернулась так, чтобы Дося потеряла равновесие на каблуках, – и чуть толкнула ее. Певица со сдавленным хрипом влетела прямо в руки к Вадиму. Вампир ловко подхватил ее и поглядел на меня.

– Юля?

– Берешь девушку за руку и показываешь клуб. Ферштейн?

– Нихт ферштейн.

– А по зубам, чтобы заферштеел?

– Не надо, майн группенфюрер.

– Тогда...

– Яволь...

Дося захлопала ресницами.

– Что... как...

Но прежде чем она сформулировала вопросы и претензии, я рванула по коридору.

– Мечислав меня может найти в баре.

Нет уж. Никаких возвращений. Его бизнес – ему и разбираться.

Вадим, похоже, смирился со своей судьбой, потому что за спиной я услышала его голос с доброй толикой вампирского очарования:

– Скажите, неужели вы – Та Самая Блистающая и Блистательная Дося! Самая знаменитая и очаровательная певица современности?!

Пришлось ускориться, чтобы уши от сахара не слиплись. Зато Дося теперь будет просто лапочкой. К концу показа клуба то, что у нее вместо мозгов (подозреваю – счетная машинка для евро), будет полностью промыто вампирским обаянием, а любые обиды – в том числе и на меня, забудутся, как сон. Ну и прекрасно.

Дося с возу – волки сдохнут.

Я плюхнулась на высокий стул в баре и попросила знакомого оборотня, смешивающего коктейли за стойкой:

– Налейте сока бедной мне, а?

* * *

Мечислав нашел меня у стойки через полтора часа. Он улыбался и выглядел очень довольным.

– Ты растешь, Кудряшка. Я не зря приказал ребятам позаниматься с тобой.

– Валентин считает, что мои навыки – скорее... имплантированные, с Печатью тела – от тебя – мне, – кисло процедила я. – Вот все быстро и усваивается.

– Но как хорошо!

– С паршивого вампира хоть зуб выдрать, – переименовала я поговорку.

– Кудряшка, а что ты будешь делать с моим зубом? Оправишь в золото и станешь носить на груди? На таких условиях я тебе его сам подарю... – Мечислав показал в улыбке весь подарочный набор.

Я скорчила рожицу.

– Размечтался. Я его в лабораторию на опыты отдам. Надо же узнать, откуда такая крепость и белизна! Изучу состав пульпы, дентина, эмали... напишу работу, защищу диссертацию, обанкрочу всех производителей зубной пасты...

– И будешь жестоко разочарована. Мои зубы такие от природы.

Все-таки за прошедшее время вампир научился понимать юмор. Хоть какой-то прогресс.

– Дося уехала?

– Вместе с продюсером.

– А что так плохо?

– То есть? – искренне удивился Мечислав.

– Ну, мог бы и воспользоваться ее... вниманием. Она была бы только рада.

– Ревнуешь, Пушистик?

Фырканье получилось особенно выразительным.

– Я? Тебя? Ой, мама... ревную?!

Издавательский смешок тоже удался. Тем более что был абсолютно натуральным. Ревновать вот этот ходячий символ экстаза?! Ага, сходи, поревнуй Колю Баскова к поклонницам. Результат будет один и тот же. В том смысле, что ты себе нервы перемотаешь, результата не получишь, а объекту – хоть бы хны. Кстати, а почему – хны? Что такое хна я знаю. То есть – хоть бы хны – в смысле хны на хвост насыпать? Сложно как-то.

Мечислав погрузился.

– Вечно ты говоришь мне гадости...

– Это – не от великой радости, – вздохнула я, допивая сок. И решила перевести тему. – А все-таки почему бы и нет? Красивая. Модная. И готова на всё. Бери – и пользуйся.

Мечислав тоже решил не углубляться в наши взаимоотношения. А то начнется по пятидесятому разу...

– Юля, я вообще-то брезгливый.

– Вот не подумала бы...

– Все мои любовницы, *все*, – подчеркнул голосом вампир, – которых выбирал я, не шлюхи. А Дося как раз такая.

– Мы такие, какими нас делает общество.

– Если женщина родилась проституткой, никто ее не изменит, – отрезал вампир. – Равно как и мужчину. Не стану их осуждать, при необходимости такими очень удобно пользоваться, но сам я этого делать не хочу. Такие женщины, как она – хуже чумы.

– И меня еще спрашивают, за что я не люблю вампиров. Да вы просто лицемеры, – покривилась я.

– Отнюдь. Я могу посочувствовать Сонечке Мармеладовой⁴. В некоторых обстоятельствах человек может пойти на что угодно. Взять хотя бы Великую Отечественную, на которой сражался твой дед. Могу тебя заверить, шпионы не гнушались любыми методами. Вплоть до проституции. И я не могу их осудить. Но когда мужчина или женщина решает стать продажной тварью...

– Почему тварью!

– Потому что к человеческому роду они уже не относятся. Они на все готовы ради славы, денег, власти... да просто ради своей минутной прихоти. Это – хищные твари. И им сочувствовать никак нельзя.

– А если человек не представлял, во что впутывается?

– Даже у Доси был выбор – остаться, чтобы стать такой, – или уехать, выйти замуж за хорошего парня и прожить жизнь, пусть и без славы, но зато в радости и любви. Юля, это ведь глупости, что можно быть счастливым только во дворце. Счастье – оно не в золоте, а в твоём сердце.

Я с удивлением поглядела на вампира.

– Ты Библии перечитал? Такие слова...

– Не издевайся. Это ведь правда.

– Только услышать ее от тебя...

– А я что – не человек?

– Ты – вампир.

* * *

Я жду.

Несколько сотен лет – я жду.

Проклятые людишки. Ненавидят... мерзостские...

Я был силен раньше. Они никогда не одолели бы меня один на один. Только хитростью. И подлостью.

Меня лишили тела. Засаточили в клетку. И несколько сотен лет держали в засаточении в святыне. Но потом на эту землю пришел Христос. Святыне было разрушено. Я торжествовал в своем жилище. Я надеялся. Но это меня не спасло. Моя тюрьма попала в лапки к мерзостным монахам. И один из них смог разсобраться. Он понял, кто я такой и откуда пришел. Осознал, что я из себя представляю. Я был слишком недержан. Я напугал его – и не успел взять разсум под контроль. Слишком я обрадовался возможной свободе. Слишком потропился.

И этот церковный мерзостец наложил на меня еще и свои заклинания.

Я был счастлив, когда его убили. Я почувствовал его смерть. Но это не помогло мне. Я по-прежнему засаточен в камне. И пути мои почти не ослабли.

Чтобы разссорвать их, требуется жертва.

Сильная жертва.

Но пока я жду освободителя.

В этот раз я не совершу глупых ошибок.

⁴ См. Ф. Достоевского с его «Преступлением и наказанием».

Глава 3. Как начинаются стройки

1 сентября

Ночь я не спала. Проще было подождать до утра, а не засыпать на пару часов – и вскакивать с криком от очередного кошмара. Или – старого и уже приевшегося. Неважно. Важно то, что Мечислав отпустил меня только в четыре утра. А в семь уже пора было готовиться. Душ, завтрак, туалет... в смысле – что надеть в институт. А что тут наденешь? Мы не в школе. Поэтому – джинсы и майка. Сверху – джинсовая ветровка. На ноги – туфли. В сумку – тетрадь. Проверить ручки – хоть одна-то должна писать? И запихнуть необходимый минимум. То есть – пару бутеров. По расписанию у меня сегодня три пары. Проголодаюсь. Рядом с институтом нет ни одной приличной забегаловки. А покупать пирожки с лотков – самоубийство. Сильно подозреваю, что жарят их там на машинном масле. Я уж молчу про начинку. Кто его знает, лаяла она вчера, мяукала – или ходила с удостоверением инспектора облСЭС⁵ и задавала слишком много вопросов? А уж обедать в столовой института?!

Боги, спасите меня раньше. Или убейте, что ли! Все быстрее будет.

Институтская столовая – это жуть. Ассортимент там – те же пирожки, что и у лоточниц, пара сортов пирожных, ну и стандартный «набор юного химика». Чипсы, семечки, соленые орешки, растворимые лапша и картошка. Почему химика? А все равно там одни реактивы. Вы же не считаете, что туда что-то натуральное кладут? Разве что сою. Из напитков – газировка. Хорошо хоть в вестибюле кофейную машину установили. А то раньше в столовке и кофе пить было противно. Всюду перешли на пластиковые стаканы. Но мы же не такие? Поэтому пьем из стеклянных. А микроб – все равно существо нежное и от грязи помирает. Одним словом – обедать в нашей столовке нельзя. А кушать захочется. А еще ведь ехать на это открытие... Мать его! Ну, вот и первое сентября, как оно есть!

Первое сентября. Прекрасный день. Что он собой представляет?

У школьников – торжество маразма. Сначала линейка, на которой директор, опасно раскачиваясь на трещашей трибуне, талдычит про величие образования. Вы в это время стоите и мечтаете, чтобы он или рухнул – или на него сверху что-нибудь упало. Хотя бы птица нагадила. Для оживления обстановки. Потом все зависит от его морального садизма. У нормальных директоров этот день ограничивается выдачей расписания и строгим наказом «не опаздывайте завтра». У особых сволочей – еще от трех до восьми уроков, чтобы скучно не было.

Но это – у школьников.

У студентов немного по-другому. Прилетаешь, смотришь в последний момент вывешенное деканатом расписание – и идешь учиться. Что я и сделала.

Влетела в кабинет за десять минут до начала первой пары – и плюхнулась за парту рядом с подружкой. Сейчас у нас генетика.

– Привет, – шепнула Инка.

С Инкой мы подруги с момента поступления. И надо сказать, что это... своеобразная дружба. Мне легко дается учеба. Инка же еле тащится в хвосте. Не из-за лени. Просто кому-то учиться легче, а кому-то сложнее. Инке наука не дается, но грызет она ее с таким остервенением, что рука преподавателя сама собой выводит «хор» в зачетке. Мне же учеба дается легко. Поэтому Инка использует меня на контрольных и курсовых, а я ее – когда пропускаю лекции, и их потом надо у кого-нибудь списать.

Пока я болела, Инке пришлось тяжело. Да, к третьему курсу все уже разбиваются на пары, тройки и пятерки, все компании уже сыграны и постороннему практически невозможно найти себе место.

⁵ Областная Санитарно-эпидемиологическая служба.

Но потом я вышла из больницы, начала серьезно наверстывать пропущенное – и подруга вздохнула с облегчением. Есть на кого свалить свободное творчество.

В свободное время мы общаемся очень редко. Особенно летом, когда Инка уматывает на весь сезон к тетке в Крым. Хотя сейчас это сложнее. Мы ж теперь ридна Украина и поганые кацапы! Блин, ну это ж надо было так поюродствовать! Эх, взять бы всех наших политиков, связать в один большой узел с олигархами, залить свинцом и притопить в глубоком месте. Лучше – у берегов Англии, чтобы там рыба дохла, а не у нас. Самим – объединиться. В смысле – Россия, Украина, Белоруссия. А что – Бог любит троицу! Вернем великую державу. Америкосов хватит кондратий, англичане так охренеют, что как бы с островка в воду не попадали, а китайцы трижды подумают, прежде чем к нам лезть. А в качестве президента, генсека или даже царя – пригласить Лукашенко. Если его наши СМИ ругают без перерыва на сон и еду, значит, человек порядочный. И ворует только с прибыли, а не постоянно, как наши власти.

– Привет, – отозвалась я. – Кто у нас преподом на генетике?

– Ливневский.

Из моей груди вырвался стон ужаса.

Ливневский был многогранным человеком, но все грани его характера можно было описать одним словом: Сволочь. Сдать ему зачет было, как влезть на Памир... отличники – и те сдавали раза с пятнадцатого. Экзамен ходили пересдавать года по два. В деканате уже привыкли. И даже не ругались. На нас. Ливневский обожал говорить о себе: «Я – единственный по-настоящему неподкупный преподаватель в этом продажном институте!» Как это нравилось преподавателям? Да никак! Шипели гадюками. Но и выгнать эту заразу не могли. И даже повлиять на него. Ливневский был женат на родной сестре зам. директора нашего университета. Надо сказать – это была на редкость гармоничная пара. Она – маленькая, кривоногая как такса, с фигуркой совдеповской тумбочки (2,0×2,0 при росте 1,5 м) и лицом, похожим на непропеченный блин. Прическа – бешеный перманент бледно-пергидрольно-желтого цвета. Одежда – чехлы для танка.

Он – чуть не в полтора раза ее выше. Седые волосы стоят дыбом, прикрывая плешь на макушке. Фигура напоминает богомола, а движения – марионетку на ниточке в руках плохого кукольника. Такие же дерганые и суматошные. На лице особо выделяется нос. Как своего рода аналог Кавказа. Так и тянет вспомнить: «Кавказ надо мною... один... в вышине...».

И словно этого мало – в результате неудачной операции на глазу (левом) товарищ начал смотреть в разные стороны. А по-простому – окосел. На лекциях он обычно появлялся в лабораторном халате, который стирался раз в год и под большое настроение. А потому был мят, вонюч и покрыт неизвестного происхождения пятнами. То ли от лаборатории, то ли от бутербродов. И халат – и сам Ливневский.

Выглядело это совершенно шикарно. И студенты давно собирались отправить фотку счастливого семейства в Голливуд. А что?! Годзиллу, Чужого и Хищника – победили? Вот вам еще ужасы в копилку. Какой-нибудь доктор Монстро с супругой или жертвы садистских опытов над людьми... даже на грим тратиться не надо.

Генетику он вел плохо, зато спрашивал хорошо. А благодаря родственнику получал часы по нескольким предметам сразу. И угадать, где к нему попадешься, возможности не было. Раньше нам везло, проносило мимо, а вот сейчас – попали по полной... Генетика-то – зачет и экзамен.

Ой, ёёёёёоооооооооо...

Легок на помине, Ливневский ворвался в кабинет. Повяло незабываемым ароматом какого-то одеколона, похожего на гибрид хозяйственного мыла и средства от блох. Освежающей ноткой был запах пота. Сидящие на задних партах рванули открывать окно, сидящие впереди раскашлялись, стараясь незаметно опрыскать платки духами...

А толку? Этот гад же по рядам ходит во время лекции! Еще так нанюхаемся!

Я забыла сказать об одной маленькой детали. За милый характер, привычки и запах Ливневского давно прозвали «Каналюга». Только вот от слова «каналья» или от «ливневой канализации»?

– Все уже сели и открыли тетради, – привычно начал он. – Итак, мы начинаем наш урок. Около двух тысяч лет назад... вы записываете?

Ага, пытаемся. Но разве ж за этим гадом угонишься...

– Так вот... около двух тысяч лет назад генетики еще не было...

Жесть!

* * *

Валентин заехал за мной, но хоть в институт заходить не стал. Подождал в машине. Я выскочила из института, отошла на соседнюю улицу – и запихнулась на заднее сиденье здорового джипа типа «дом на колесиках». Там уже лежал пластиковый чехол для одежды.

– Переодевайся, – бросил Валентин, вырливая на магистраль.

Я кивнула и залезла внутрь.

М-да. Костюмчик из мягкой шерсти бежевого цвета с золотым шитьем на лацканах пиджака – и тоненькой полоской сбоку на юбке, белая блузка с золотыми запонками – Мечислав что – офигел, как я их застегну! Не были забыты даже туфли, чулки (разумеется, только чулки бежевого цвета с кружевным поясом, колготки – это так неэстетично), нижнее белье и сумочка.

Все в одной золотисто-бежевой мягкой гамме. Стильно, скромно... и в голос кричит о своей бешеной цене.

Блин! Ну что я забыла на этом открытии?!

– А я?! Мы там, как представители господина Клыкастенького, то есть Любомирского.

Я фыркнула. Раньше оборотень так себя не вел. Но в последнее время его шуточки становятся все ехиднее и язвительнее. От меня, что ли, нахватался? Но – в обаянии ему не откажешь.

– А твой дед там будет?

Я пожалала плечами. Вообще-то может. Губернатор области настаивал, чтобы всем рассылали приглашения. Я не спорю, возможно, такие мероприятия и полезны бизнесменам – поговорить там, увидеться, обсудить что-нибудь, но я-то вовсе не в тему!

Ну да ладно. Если убежать не удастся – расслабься и убеди себя, что ты именно этого и хотела.

И получай удовольствие! Удовольствие, я сказала!

Ноготь чуть не проделал дырку в чулке, когда меня потрянуло на светофоре.

Черти бы побрали социально активных вампиров!

Но переделалась я как раз вовремя. Машина затормозила, и Валентин повернулся ко мне.

– Помощь нужна?

– Запонки застегни. И оцени.

– Юлька, ты всегда прелесть, – искренне произнес оборотень. – Пойдем?

– Куда ж деваться...

Выглядело сегодняшнее мероприятие так.

Стройплощадка была открыта с одной стороны. И виднелся новенький экскаватор, за который город заплатил сумму, сравнимую с годовым бюджетом областной больницы. По центру стройплощадки стояла сцена, собранная из пластика и металла. С нее явно и собирался выступать наш губернатор.

Перед сценой стояли сначала кресла, явно взятые из ближайшего ДК – собранные по три, с красной обивкой. Из тех кресел, которые закрываются, не успеешь ты с них встать – и

мгновенно рвут колготки. За креслами стояли скамейки – для непривилегированной публики. Но у нас были билеты на кресла. Третий ряд, номер пятнадцать и шестнадцать.

Семнадцатое кресло занимал дед.

Я улыбнулась и стала пробираться к месту.

– Леоверенская, ты?

Я покривилась. Тихвинская. Наталья Павловна. Прошу любить и жаловать. Любить можно во всех позах, а жаловать – исключительно в материальном плане.

Эта зараза училась со мной в одной группе. Хорошо хоть подгруппы разные. И надо сказать, Наташка попортила мне изрядное количество крови.

Будучи дочерью бизнесмена, она искренне полагала, что все в мире создано для нее и только для нее. А почему бы и нет?

Если тебе всего семнадцать лет, а у тебя все шмотки из фирменных бутиков, сумочки от кутюр и в институт ты едешь исключительно на собственной новенькой «мазде»?

Можно тут загордиться?

С моей точки зрения – нет. Это ведь не она сделала и заработала. Сама Наташка не пользовалась бы спросом даже на панели – за счет избыточного веса (откормилась на красной икре и форели) и прыщавой физиономии. Но искренне считала, что все должны ее уважать и пресмыкаться.

В школе примерно так и было. А почему бы и нет, если папаша прикормил директора школы, и педагоги, скрипя зубами, вынуждены ставить малолетней балбеске пятерки? И мечтать о том дне, когда ЭТО наконец-то покинет обитель знаний.

Покинуло. И пришло в наш институт на биофак. Видимо, начитавшись о том, как Павлов собачек мучил. До сих пор не понимаю – почему Наташка не стала юристом или экономистом? Потом папа взял бы ее к себе на фирму – и дитяtko до конца жизни имело бы свой бутербродик с икоркой.

А потом поняла. Папа, видя уровень знаний и интеллекта своей дочурки, решил, что в фирме ему такое счастье не нужно. Дело целее будет. А дочку надо по-быстрому образовать, пристроить куда-нибудь на кафедру, выдать замуж – и муж будет заниматься делами, а дочурка – домом и детьми.

Логика была ясна и понятна.

Проблемы были у меня.

Наташка, узнав, кто мой дед, постаралась подружиться. Вспоминать – и то неприятно было...

– Эй, Леоверенская, давай пересаживайся к нам... сидишь там, как дуб на Плющихе...

– Тополь, – поправила я.

– Чего?

– На Плющихе было три тополя. А дубы...

Для первого раза я смолчала. Хотя очень хотелось добавить, что дубы у нас на задних партах «Elle» смотрят. Или еще какой-то журнал... мне было неинтересно. Я осваивала анатомию. И намеревалась стать специалистом. И пересаживаться к их компании вовсе не хотела. Зачем? Лак для волос обсуждать? Или гель для душа?

Да мне и то и другое – побоку. Я все равно ими не пользуюсь. Почему и прыщей не имею, и волосы не выпадают.

– Да какая разница... Ползи сюда, говорю... Общнемся, потусим... ты ваще как, на «Пчёлку» ходишь?

«Пчёлка», в исходном варианте «Улей», была одним из модных местечек, где собиралась новорусско-бандитская поросль. Расслабиться, потусить, найти себе партнера на ночь или дозу кокаина...

Мягко говоря – меня туда не тянуло. Грубо говоря – я что – полная дура, так тратить свою жизнь? У меня и поинтереснее дела найдутся...

Но прежде чем я успела это высказать, Наташка нанесла последний удар.

– А то здесь одна шелупонь тусуется. У тебя хоть дед при делах... хоть ты и одеваешься как чмо...

Все стало предельно ясно. Наташка нашла представительницу одного с собой социального круга – то есть меня. И решила, что мы вместе можем составить кружок «золотой молодежи». Почему-то меня это не прельщало.

– Наташа, почему бы тебе не пойти на... вместе с твоими... дискотеками, тусовками и пчелками? – громко и отчетливо произнесла я.

Наташа задохнулась от возмущения. Она бы мне ответила, но в это время вошел преподаватель. И ругаться не получилось. На перемене она опять попыталась на меня наехать, опять получила по ушам – и пошло-поехало.

Пропадающие тетрадки, разлитые на меня реактивы, испорченные спортивные кроссовки...

Я терпела недолго – и Наташа вдруг обнаружила залитую чернилами сумочку, мадагаскарских тараканов в машине и экстремальные духи из масляной кислоты. Чего мне только стоило спереть эту прелесть с химфака!

Тихая война постепенно перешла в позиционную, а потом я познакомилась с вампирами...

– А что – не похожа?

– Как свинья на ежа. Кто тебе такие шмотки одолжил?

– Почку продала и купила. А кто тебя сюда пустил? Цирк с тюленями у нас в двух кварталах севернее.

Огрызаясь, я продолжала идти, поэтому следующую реплику дамы уже не услышала.

Мое место оказалось как раз между дедом и оборотнем, дед Валентину протянул руку, а меня сгреб в охапку и чмокнул в нос.

– Отлично выглядишь, мелочь.

– Да и ты у меня молодцом смотришься, – отметила я. Дед и правда выглядел лет на шестьдесят. В светло-сером костюме, с гривой седых волос и черными бровями, с великолепной осанкой и минимумом морщин. И пахло от него не тем неприятным запахом, который появляется у некоторых стариков, а дорогим одеколоном и чуть приметным запахом лаванды. Мама ей все шкафы переложила.

– Хорошо, что тебя твой друг сюда отрядил, – дед чуть улыбнулся уголками рта.

Я топнула ногой. Сидя это было сложно сделать, но мне удалось. Каблук до половины ушел в землю.

– Дед, это свинство! Этот вампирюга просто не дал мне возможности отказаться!

– И правильно. Тебе давно пора заниматься делом. Я не вечный. Помру – тебе фирмой руководить.

Меня, как обычно, передернуло. Дед – и умереть? Не надо, боги!

– Это чего ты о смерти заговорил? Даже и не думай! Тебе еще правнуков воспитывать!

– Тогда лучше пусть сразу прибьют! С тобой – и то проблем по горло, а когда дети пойдут... кстати, от кого?

Я задумалась. И повернулась к Валентину.

– Слушай. А вампиры могут размножаться, как люди?

– А ты у них спроси!

– А если они предложат проверить на практике?

– Ну, тогда ты узнаешь точно – и на своем опыте.

– Нет у тебя ничего святого, воротник блохастый, – обиделась я.

Дед, не обращая внимания на мои выходки, общался с каким-то товарищем, сидящим за спиной. Я поерзала в кресле и вздохнула. Вообще-то я допускаю, что нормальные губернаторы такой дурью не маются. Не собирают восхищенные толпы, не нагоняют массовку, не толкают торжественные речи по каждому поводу вроде исцеления от насморка... Ну а если уж вовсе размечтаться – то и воруют умеренно. Или хотя бы параллельно делают что-то полезное для города.

А этот козел!

Только очковитательством занимается! Если верить его отчетам – у нас такая передовая область, что все остальные области России последние десять лет лицезреют нашу задницу. Голую. Грязную и с прорехами. Эх, найти бы на него Воланда! И устроить мерзавцу – дьяволиаду. Я бы и на вампира согласилась, но Мечислав мне четко объяснил, что губернатор – фигура заметная. Поэтому если он совершенно случайно помрет от инфаркта (а улыбочка вампира может довести до чего угодно), ИПФ обязательно окажется рядом. Есть у них свои люди и в больницах, и в милиции. Или сейчас лучше говорить – полиции?

Вот уроды у нас в правительстве, а?! Мало нам было полицаяв во время Великой Отечественной? Или им просто хочется подражать Америке? Или они книжку про капитана Врунгеля наконец-то прочли... в семьдесят лет, впад в маразм... Как вы яхту назовете, так она и поплывет?

Так милицию как ни назови, лучше она работать не будет. Ее надо финансировать и не сдерживать. А то что получается?! Кавказская овчарка, которую держат впроголодь, в конуре, где и кошке тесно, бьют ногами, а охотиться дают только на тараканов? Это, простите, глупо. Хоть вы ее мопсом назовите, хоть крокодиллом, да только лучше от этого не станет. Ни на минуту.

Вот если овчарке дать свободу, да хорошо кормить, да разрешать охотиться на всех, а не только на тех, у кого ни денег, ни блата – тогда мы быстро переплюнем по эффективности Америку. А менять названия? Людей смешить! Вот как гаишники будут теперь называться? Полицейский Инспектор ДОРожного Движения? Шикарно! А если прочесть большие буквы?

Восторг прет! А в каком восторге будут те, кто регулярно отстегивает мзду гаишникам? Или теперь будет ПИДОРДам?

Я же говорю – восторг!

За приятными мыслями я и не заметила, как отгнусил наш мэр и на помост поднялся губернатор – в косо сидящем паричке. И куда молодится? Козе ж понятно, что там своих – три волосинки. А все туда же! Я молодой, я молодой, потанцевал бы кто со мной...

– Сограждане! Горожане! Дамы и господа! В этот прекрасный день мы собрались здесь...

Я опять отключилась. И попробовала соскользнуть в транс. Или, как объяснил мне Питер, посмотреть на окружающее – внутренним взором. Получалось плохо. Как будто... меня что-то не пускало?!

Бред!

Я попыталась еще раз. И еще... И – соскользнула в транс. Вокруг каждого человека появилась дымка ауры. Вокруг губернатора – тоже. Я пригляделась. М-да. Грязно-зеленый, мутно-коричневый и цвета детской неожиданности. Как я и думала – порядочным человеком его даже по ошибке не назовут.

А это что? Пятна? Черные? И воронки?

Ай-ай-ай... И кого же это мы убили?

Недавно я заметила интересную закономерность. У Вадима черных пятен на ауре практически не было. Да и у Мечислава. От силы – штуки три. То есть – три покойника – и это за всю долгую вампирскую жизнь? Не верю! Только за то время, которое мы были вместе, он

уже человек (вампиров, оборотней) – короче, штук пять трупов на его совести точно есть. Я надела на вампира.

И Мечислав признался. Убивал он много. И часто. Особенно в молодости. Но! Либо в порядке самозащиты. Либо – по приказу. А в таком случае грех падает не на убийцу – он только оружие, а на заказчика. А сам Мечислав старался особо не быть сволочью. И... в некоторых случаях он искренне раскаивался в убийстве. Кирпичами на его совести висели только три смерти. Но чьи – вампир отвечать наотрез отказался. А жаль. Хотелось бы попробовать вывести закономерность. Вот совсем некоторые зубастые не понимают важности научного подхода. Стоило мне начать расспросы – как Мечислав зашипел не хуже воды на раскаленной сковородке – и я отступила.

Но вернемся к губернатору. Пятна – убийства. Воронки – те, кто пострадал по его вине. А мелкие брызги – это так. Фигня. Воровство, предательство, подлость – для политика прямо-таки образ жизни, не стоит и обращать внимания.

А это что такое?!

Я повела взглядом над площадкой.

– Твою мать!

– Юля? – дернулся Валентин. Пришлось сжать его руку – мол, все со мной пучком, только помолчи пять минут. Оборотень внял и заткнулся. А я пригляделась внимательнее.

Площадка строительства была... словно на нее было наброшено черное кружево. Черное кружево поверх таких же черных высохших кустов. И все это стелилось, волновалось, пошевеливалось, как водоросли, обвивающие утопленника... было мерзко. Даже не просто мерзко. Я почувствовала, что меня начинает тошнить – и спешно вернулась к обычному зрению.

Что это такое?!

– Где? И что?

– Я что – опять говорила вслух?

– Да. Что случилось?

Мы с оборотнем шептались тихо-тихо. Но дед тоже не пожелал оставаться в стороне – и наклонился к нам.

– Что и где? Юлька, что произошло?

Я выдохнула и постаралась описать свои мысли как можно тщательнее.

– Там – зло.

– Где?

– Ну там, где собираются строить. Там какое-то старое зло. И очень страшное и хищное.

Что бы тут ни построили, добра не будет. Что тут было раньше?

Дед пожал плечами.

– Ты знаешь, я не местный.

Знаю. Дед в свое время нарочно уехал подальше от места, где погибла его семья.

– Валь? – повернулась я к оборотню. Но и тот только развел руками.

– Юля, последние лет двести тут была площадь. А до того? Кто знает! Надо копаться в архивах, искать, думать... я не историк.

– А кто?

– Твоя подруга. Настя.

– Ей сейчас нельзя. У нее дети.

– Но сказать, где и что искать – она может.

– Валь, если ты ее потревожишь до родов – ты у меня сам родишь. Составишь конкуренцию Шварценеггеру! – зашипела я.

– Ладно, уговорила, – отмахнулся оборотень. – Пусть наводит справки после родов. И тебе услугу окажет, а то она так переживает – мол, обязана, должна, по гроб жизни...

– После родов – ладно. Но не раньше.

Оборотень кивнул – договорились. А я тупо смотрела, как на площади, под гундеж губернатора, спешно разбирают старой укладки камни. Зрение соскользнуло опять в тот же режим. И я увидела то, на что раньше не обратила внимания. Почему кусты? Почему это все было – невысоким?

Потому что лежали старые камни. А там, где их вынимали, черная дрянь поднималась, расправлялась, словно рвалась на свободу! То есть они сдерживали эту пакость?! Да наверняка! Я бы не слишком удивилась, обнаружив на внутренней стороне камней (той, которая была погружена в землю) знак креста или что-нибудь еще в таком духе. Да хоть и египетский символ вечной жизни! Твою мать!

Двести лет.

Двести лет назад вымостили эту площадь. И хорошо вымостили. Она и войну, и революцию, и коммунизм пережила. И еще бы лет двести простояла. Если бы не наш придурок-губернатор, котором обязательно раз в год надо хоть что-нибудь построить – а то как же! Под это ж можно выпросить денег у государства, поделить их между своими, а отчитаться – как за громадное дело! Чуть ли не горы свернул, весь на навоз изошел... хотя ему и исходить не обязательно.

Ну не люблю я нашего губернатора! Не люблю! И – за дело.

А что он еще тут раскопает...

Хоть бы нас сейчас не накрыло! Я сильно подозревала, что заорать: «Бегите все отсюда к чертовой матери, там и то уютнее!!!» – можно. Но результата не будет. Разве что меня запихнут в психушку. Это – не выход. Но и сидеть тут?! Совсем рядом? Когда начнут копать? А если – накроет?

Я вдохнула. Выдохнула. И медленно представила себе прозрачный купол, опускающийся на меня, деда и Валентина.

Накатила слабость. Закружилась голова. Сильно затошнило. Но – есть Бог на земле! Теперь я видела все происходящее на площади, словно из-под стеклянной чаши. Чуть искаженным.

Я вцепилась в руки мужчин, сидящих рядом. В первую очередь я буду закрывать их – и себя. Все остальные меня не волнуют.

– Что бы ни случилось – не отходите от меня. Ясно?

Валентин кивнул. Дед недоуменно поднял брови.

– Почему?

– Потому, что кончается на «у». Дед, поверь мне на слово, прошу тебя!

Этого оказалось достаточно.

– Помощь нужна?

– Нет. Просто – не отходи от меня.

– Как скажешь.

За что я люблю своего деда – это за то, что в глубине души он так и остался разведчиком. И людей делит по принципу Высоцкого. Ты бы пошел с ним в разведку? Нет – или да?

Опасность? Что ж. Если внучка говорит про опасность, значит надо прислушаться. Полное доверие напарнику, который знает больше, – и готовность повиноваться приказам. А сколько людей махнули бы рукой – что ты, мол, ахиною собираешь?

И погибли бы.

Еще погибнут, – мрачно оскалилась в глубине души женщина со звериными глазами.

И я не могу это предотвратить. При всем желании я не смогу растянуть купол на большое число людей. У меня нет таких сил, таких знаний, такого умения...

А черное сияние разворачивалось все яростнее и ярче. Что-то гнусил еще один чиновник. И я могла подумать только об одном – оно уже зацепило губернатора. И еще многих.

Чиновники, бизнесмены, все, кто сидел в первых рядах или терся рядом со сценой. На миг там мелькнуло лицо Доси.

Зацепило не сильно. Пока только ноги. Но я отчетливо видела, как щупальца пульсируют на человеческих аурах. И понимала происходящее.

Они *питались*.

И пока им хватало. Но потом, чуть позже, они могут и разрастись. И что будет происходить – бог весть.

А люди пока даже ничего не чувствуют. Может быть – легкую усталость. Сонливость, отупение, возможно – дурноту, но кто ее не чувствует на таких церемониях? Пока щупальца еще не вросли в ауру, они не будут проявляться – резко. А вот когда вырастут...

Я уже не слышала ни одного слова. Зато отлично видела, как вышли что-то спеть Миша Пила и Дося. Видела, как Мише дарят цветы – и узнала в одной из дарящих Наташку. А, вот чего она сюда приперлась... Кумир поет! Извольте слушать.

А потом губернатор махнул рукой. Эскаватор выкатился к разобранному месту – и ковш вонзился в землю.

Я не закричала. До боли впила ногти в руку, хорошо хоть не свою, а Валентина, но не заорала. А хотелось!

Потому что из земли во все стороны брызнуло нечто, напоминающее нефтяной фонтан. Только – ментальное. Я это видела, а остальные даже и не подозревали, что черная липкая гадость брызжет по сторонам, задевает без разбора чиновников, актеров, журналистов – и ни в чем не повинных рабочих, корежит их энергетические оболочки и прожигает дыры в ярких и не очень аурах...

На нас бы попало. Но мой щит выдержал. И мне казалось, словно черная липкая грязь течет по светлому стеклянному куполу – и соскальзывает вниз, не в силах удержаться.

В ушах шумело. Перед глазами заплясали светящиеся мушки. Больно не было. Только тяжело. Словно что-то навалилось – и старается вплющить в грунт. И надо – держать эту тяжесть. Просто держать.

Потом произошло что-то странное. Все кинулись вперед, под эту мерзость – и стали весьма заинтересованно на что-то глядеть. Но на что?!

Хотя мне – наплевать! Важно другое! Как скоро я смогу уйти отсюда? Надолго меня не хватит!

Я повернулась к оборотню. И произнесла, четко артикулируя губами – я не знала, говорю я вслух – или только пытаюсь, а им меня не слышно.

– Уведи меня отсюда. Мне стало плохо...

Оборотень кивнул, подхватил меня на руки – и потащил прочь. Я крепко вцепилась в руку деда, так, что он вынужден был идти за нами. И так же вместе с нами двигался наш щит. Так же шлепались на него черные комья – и опали вниз, бессильные. И – полные яростной холодной злости. Их лишали пищи. И это было им невыносимо.

Ну и пусть подохнут от возмущения! Раз не могут вынести облома!

На этой ярости я продержалась еще метров сто – до стоянки. А там было уже безопасно. Щит исчез – и я расслабилась на руках оборотня.

– Хвала богам! Живы!

– И ты мне сейчас дашь объяснения, – вмешался дед.

Я послушно прикрыла глаза. Кивать не хотелось. Голова кружилась почему-то.

– Дам. Хоть килограмм. Только поехали к тебе, ладно? И... захватите по дороге что-нибудь пожрать!

Валентин загрузил меня в джип на заднее сиденье. И я расслабилась там. Хорошо. Туда слона поместить можно. Дед уселся в свой черный «порше» – и поехал вперед. В его офис едем, ему и дорогу показывать.

По дороге Валентин заехал в пиццерию и взял мне здоровуший литровый стакан колы и здоровущую пиццу. Обычно я колу, этот суррогат из сахара и красителя не пью. Но сейчас – пошло на ура.

* * *

Наконец-с-сс-с-сс-с-с-то! С-С-Спус-с-стя с-с-столько лет – я в руках у человека. Человечки!

Что ж, она тоже подойдет – на первое время.

Плиты, которые так давили на меня – убраны, мои час-с-стиц-с-сс-с-сс-с-сы заняли с-с-свои мес-с-ста – и с-с-стоит мне выбрать-с-с-ся, как я призову их. Мне нужна будет пицца. Много пицци. С-С-Сильной пицци. И приятно, когда не надо за ней охотиться-с-с-ся. Она с-с-сама придет к тебе. Покорная и не с-с-спос-с-собная с-с-сопротивляться-с-с-ся.

Потом я с-с-смогу позволить с-с-себе многое. С-С-Смогу позволить с-с-себе охоту. Нас-с-слаждение болью и с-с-страхом с-с-смерти. Удовольс-с-ствие от медленной с-с-смерти. Но не с-с-сейчас-с-с.

С-с-слишком много ушло у меня с-с-сил.

Я знал, что буду с-с-свободен рано или поздно. Я ждал и готовил-с-с-ся. Я рас-с-стил «детей» и подгрызал с-с-стены с-с-своей тюрьмы. И они поддавались-с-с-сь. Медленно, но верно.

Что ж, я могу пойти двумя путями. Я могу с-с-сам подточить и разрушить с-с-стены с-с-своей тюрьмы. С-с-сейчас-с-с это намного проще с-с-сделать. Но уйдет много времени. С-с-сто лет? Двес-с-сти? Трис-с-ста?

Даже для меня это много. Хоть я и живу много с-с-сотен лет.

Или я могу с-с-сменить нос-с-сителя – и найти того, кто проведет ритуал ос-с-свобождения.

Почему бы и нет?

Главное – найти подходящего человека.

Такого, который польс-с-ститс-с-ся на награду – и покорно пос-с-следует моим приказам.

И он получит обещанное.

Х-хааааас-с-сс-с-сс-с-сс-с-сс-с-с.

* * *

У деда в кабинете было тепло и уютно. И – безопасно. Это я ощущала всей кожей. И смогла наконец расслабиться. Рухнула на диванчик из серой кожи – и бессильно замерла. Валентин опустил в кресло для посетителей, дед уселся на стол и внимательно поглядел на меня.

– Ну, рассказывай, чего ты меня оттуда утащила?

Я вздохнула. Ну как это расскажешь? А потом мне в голову пришла идея.

– Дед, а ты ничего странного не испытывал на площади? Когда мимо проходил, или сегодня...

Дед, к его чести, не стал отмахиваться от моих слов. А вместо этого призадумался.

– Ну... мне там было неудобно. А еще мне предлагали офис в здании, знаешь, та старая постройка рядом с администрацией?

– Знаю.

Старинную архитектуру дед любил. Как он сам объяснял, странно как-то жить в доме, который моложе тебя. А здание рядом с администрацией было как раз в его вкусе. Двухэтажное, серо-голубого цвета, с лепниной, огромными окнами, высокими потолками и мраморными

полами. Я знаю. Сейчас там разместился ресторан, в который я пару раз ходила с оборотнями. Цены драконовские, но кормят вкусно.

– Мне туда не захотелось. Неуютно там как-то... холодно...

Я улыбнулась. Дед – молодец. Именно так. Холодно. А как еще может быть, когда из тебя просто высасывают жизнь?

– А здесь?

– Здесь – спокойно.

Я тряхнула волосами.

– Вот. У тебя потрясающая интуиция. Или – дар. Не знаю. Если бы его развить...

– За мной бы стали охотиться озабоченные вампиры? Вот еще не хватало, – покрякивал дед.

Я фыркнула. И впервые взглянула на своего деда *другим* взглядом, пытаюсь разглядеть ауру. Раньше я так не поступала. Не хотелось вмешивать эту чертову метафизику в мои отношения с близкими и родными людьми. Но сейчас...

Аура деда была... потрясающей. Яркие, радужные тона. Алый, зеленый, желтый, голубой. Даже немного белого. Черный тоже есть. Пятнами. То есть кто-то у деда на совести из мертвецов. Но подлостей он особенно не делал. И карму себе тоже не сильно испортил.

– Юля, вернись из астрала – и пообщайся с людьми, – припечатал меня Валентин.

Я тряхнула головой – и решительно заговорила, не выбирая выражений. Слово за слово, я описала деду и Валентину все, что видела и чувствовала на площади. Обзывать меня дурой или смеяться они не стали, а вместо этого принялись гадать – что произошло. Гадали минут десять. Потом Валентин хлопнул себя по лбу – и вытащил сотовый.

– И чего мы тут мучаемся? У меня же там знакомый был!

– Кто?

– Один симпатичный паренек, работает оператором на местном телеканале. Я его сегодня там видел... блин!⁶ Юлька! Так его же тоже наверняка накрыло!

Долго я не раздумывала.

– А он человек?

– Нет. Оборотень. Но кабан.

Я тряхнула головой.

– Ну так зови его сюда! Будем смотреть, что и как! Чистить, лечить, если понадобится.

А оплатой станет видеозапись происходившего там! Ага?

Валентин тряхнул головой. Набрал номер – и заговорил в трубку.

– Да? Привет, Лешка, ты?

– ...

– Да знаю я. Но ты же работал.

– ...

– Я не кабан, а лис. Дикая свин у нас – ты. Ладно, это хаханьки. Лешка, у тебя серьезная проблема. Ты себя как чувствуешь?

– ...

– Значит так. Я был на площади вместе с Леоверенской. Знаешь такую фамилию?

– ...

– Благодаря мне, нашу фамилию знает вся нечисть района, – прошипела я деду.

– Если б они тебя еще и уважали при этом, – фыркнул тот.

– Для этого я недостаточно страшная. А вообще – чем можно напугать дикого кабана?

– Бери пленку и приезжай на Советскую, 72. Знаешь фирму «Леотранс»?

⁶ Вообще-то Валентин употребил несколько другое слово на букву «б», матерное и женского рода, но автор заменяет его из соображений цензуры.

– ...

– Вот и давай. Когда будешь?

– ...

– Ждем.

Оборотень щелкнул кнопкой и кивнул мне.

– Через десять минут.

– А почему так ма...?⁷

– Лешка сказал, что у него сильно кружится голова и желудок словно когтями царапает.

И ему это сильно не нравится.

– Это – у оборотня? Вас же фиг угробишь! На вас даже порча не действует... если ее наводят на тело!

Валентин укоризненно поглядел на меня.

– Мы тоже уязвимы.

– Ага. Если вас раза три асфальтоукладчиком переехать. А потом еще и зарыть поглубже.

– Это – художественное преувеличение.

– Это ты будешь другим рассказывать...

– Например, мне, – ехидно улыбнулся дед. – А то я сегодня тако-ой доверчивый...

В препирательствах и подколках десять минут пролетели незаметно. И когда на столе звякнул телефон, мы даже немного удивились. Уже? А куда время делось?

* * *

– Константин Савельевич, к вам тут... Алексей Данилович Ижевский.

– Точно не Ржевский?

– Точно, – отрапортовала Софья Петровна, верная дедовская секретарша вот уже лет двадцать. – Пускать?

– Пропустите.

Распоряжение было не случайным. При росте в метр восемьдесят Софья Петровна имела вес под сто двадцать килограммов, командный голос и замашки торговли рыбой с одесского Привоза. С дедом они дружили лет тридцать. Именно дружили. А когда завод, на котором Софья Петровна работала инженером-технологом, развалился, дед предложил ей пойти секретарем. Переучиться – и пойти.

Лучшего предложения в сорок лет ей никто бы не сделал. Поэтому она быстренько сбегала на курсы – и перешла в дедовскую приемную.

За пятнадцать лет дама стала профессионалом.

Мимо нее не мог пройти ни один незванный гость. И даже званые были вынуждены ждать, пока о них доложат. Дед рассказывал, что однажды она двадцать минут продержала в приемной трех «быков» из «охранного агентства», а по-простому – рэкетиров из конкурирующей фирмы. Ну а такая мелочь, как «официальные взяточники» (пожарники, СЭС и прочая шушера), распространители чего бы то ни было и просто сумасшедшие, желающие обязательно осчастливить вас светом своего знания, мимо нее не проходили. Сидела она так, что ей достаточно было оттолкнуться ногой – и ее кресло загородило бы дверь в кабинет директора. И без разрешения мимо не пролетала даже муха. А при попытке дать ей взятку наглеч вполне мог оказаться в травмпункте.

Я знала, что в столе она держала аптечку, шокер и даже – на всякий случай – флакончик сильнодействующего слабительного. Для особо нехороших посетителей.

⁷ Юля пародирует анекдот:– Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?– Ку.– А почему так ма...?

Зато работа организовывалась идеально. Во всем, кроме одного. Кофе Софья Петровна варить решительно не желала. Дед и не просил. А если кто-то из посетителей предлагал взять секретаршу помоложе, дед отвечал, что лучше он купит автомат с кофе. Потому что без ядохимиката он переживет. А вот Софья Петровна – незаменима.

Пока я отвлекалась, дверь распахнулась – и в кабинет вошел... м-да... Этому – и кулаков не надо. Ляжет и весом раздавит. Я впервые задумалась, что ипостась животного должна как-то влиять на внешность человека. Надо бы поговорить с Питером и проверить.

Вошедший был ростом под два метра. Фигура... ну что тут скажешь? Я бы сказала так – качок, обожравшийся стероидов. Мышцы бугрились под тонким свитером, перекатывались, как шары для боулинга, при каждом движении, и намекали, что товарищ любого оппонента разотрет в порошок. Без дискуссий. Такой вполне мог поднять одной рукой камеру, штатив и корреспондента. И при этом – совершенно неожиданный тип лица. На мощной короткой шее сидела голова, с которой античный скульптор не побрезговал бы лепить Аполлона, а наши мультипликаторы – рисовать былинного богатыря. Почти идеально правильные классические черты лица. Может, чуть коротковат прямой нос и чуть высоковат лоб. И при этом роскошная шапка золотистых волос и большие карие глаза. Женщины должны падать и в штабеля укладываться.

– Знакомьтесь, – бодро заговорил Валентин. – Константин Савельевич Леоверенский. Это – Юлия Евгеньевна. Та самая.

– Ага, которая это самое и то самое, – буркнула я.

– Примерно так, – не смутился Валентин. – А это – Алексей Данилович Ижевский. Прошу любить и жаловать гусара.

Ага, щас. Только что-нибудь потяжелее возьму, чтобы любовь дошла...

– Добрый день, – дед протянул богатырю руку. Несколько секунд они оглядывали друг друга, потом, видимо, пришли к какому-то мнению – и разошлись в разные стороны. Настал мой черед.

– Добрый день, – моя рука утонула в лапе гиганта – и в тот же миг меня чуть ли не выгнуло дугой. – О черт!

Я стремительно провалилась на другой уровень зрения. И перед моими глазами предстала аура оборотня, словно опутанная черной сетью. До сих пор я видела подобное только у Питера. Сетка словно закрывала его энергетическое тело с ног до головы, под ней меркли яркие розовые, сиреневые и зеленые цвета ауры – и даже скрывался серебряный рисунок, отвечающий за превращения. Она мерцала, вздрагивала, было полное ощущение, словно ауру оборотня обмотали со всех сторон, как колбасу... хотя и не везде, а вот это – что?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.